

Der Bote

Вестник

Zeitschrift der Evangelisch-Lutherischen Kirche № 3-4/2011 Журнал Евангелическо-Лютеранской Церкви

«Язык за пределами речи...»

Церковь и музыка — страницы
между землей и небом

„Du Sprache wo Sprachen enden...“

Kirche und Musik — Pilgerinnen
zwischen Himmel und Erde

В НОМЕРЕ: IN DIESEM HEFT:

Приветствие Архиепископа **3**
Grußwort des Erzbischofs

Проповедь P Predigt
Полнота радости **4-5**
Владимир Проворов
Die Fülle der Freude
Vladimir Provorov

История Церкви P Kirchengeschichte
Знающий глубину.
К 125-летию со дня рождения
Пауля Тиллиха (1886-1965) **6-9**
Антон Тихомиров

Он всегда отвечал.
Памяти Харальда Калниньша **36-42**
Эльвира Жейдс
Er antwortete immer.
Gedenken an Harald Kalniņš
Elvira Zhejds

Тема номера:
«Язык за пределами речи...»

Церковь и музыка – странницы
между землей и небом

Unser Thema:
„Du Sprache wo Sprachen enden...“

Kirche und Musik – Pilgerinnen
zwischen Himmel und Erde

14-20, 25-35

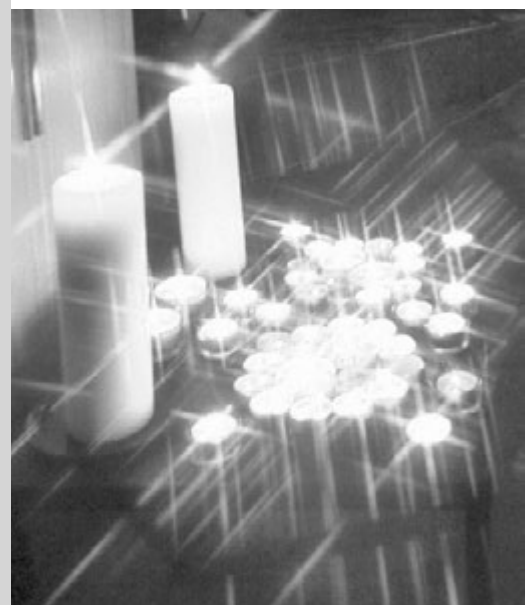

Церковный год
Обретенный рай **10**
Антон Тихомиров

Звезда над Вифлеемом **11-13**
Агата Кристи

Детская страничка **21-24**
Зимняя молитва. В. Набоков «Овца»
Декоративные прищепки.
Игрушки на елку

Молитва P Gebet **43**
Январское благословение. Im Januar
Рождественское благословение
Weihnachtssegen
Молитва в Адвент
На исходе. Am Ende

Дорогие читатели!

Я приветствую вас словами Евангелиста Иоанна: «И Слово стало плотью и обитало с нами» Ин.1,14. Разве не этой вести на протяжении веков радовались все люди, называющие себя христианами? Разве не эту весть мы несем в мир в слове, в наставлении, в духовном размышлении, в христианской поэзии и музыке?

Время Рождества и начала нового церковного года наступает для нас среди тьмы и холода, возвещая грядущее обновление, приход в мир света и согревающего тепла. Это время дает нам возможность вновь взглянуть на себя и на прошедший год глазами Христа, потому что в это время – среди бедности, гонений, неопределенности и страданий – наш Господь впервые смотрит на нас глазами человека – Своего Сына. С этого события некогда началась новая эра в жизни всего человечества. Мир небес сошел на землю и открылся людям. Богу необходимо было принять кровь и плоть человека, чтобы спасти погибающих и вернуть людей в Царство Божие, из которого они некогда были изгнаны. Он пришел в мир, чтобы искупить нашу вину.

Предсказанное пророками, увиденное волхвами и пастухами, возвещенное ангелами рождение Христа стало исполнением замысла Божьего. С верой, радостью и покорностью воле Бога, ангелы, люди и животные у яслей стали сопричастными великому чуду Рождества! В это благословенное время каждый из нас пройдет свой путь, чтобы с чистым сердцем поклониться Младенцу.

Вера и надежда, упование на Христа утешают людей. В совместной молитве, в слушании проповеди и в словах служителей, в церковной музыке – во всем есть благовестие о спасении.

В номере нашего журнала, который вы держите в руках, есть много материалов о музыке – и не только церковной. Музыка утешает и возвышает человека, пробуждает добрые мысли и чувства, придает форму образам и наполняет содержанием наши неясные переживания. Музыка дает радость и надежду. Часто говорят, что орган – это второй проповедник в Церкви. И это верно. Музыка в Церкви и для церковного человека может быть разной, но важно одно – она должна утешать и пробуждать душу, а не желания плоти и низменные чувства, обедняющие душу и делающие черствым сердце.

Слово пастыря в этом номере представлено проповедью Президента Генерального Синода ЕЛЦ пробста Владимира Проворова. Да послужит оно к укреплению вашей веры!

Желаю вам всем благословенного времени Адвента и подготовки к приходу в мир нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа! Склонимся в единой молитве перед Его яслями, откроем сердца благой вести о Рождестве, смиримся перед Младенцем, рожденным для нашего спасения и утешения!

Да благословит нас Господь!

*Август Крузе,
Архиепископ ЕЛЦ и Союза ЕЛЦ*

Liebe Leser!

Ich grüße euch mit den Worten des Evangelisten Johannes: „Und das Wort ward Fleisch und wohnte unter uns“ Joh.1,14. Ist es nicht diese Botschaft, die über Jahrhunderte alle Menschen erfreut hat, die sich Christen nennen? Ist es nicht diese Botschaft, die wir der Welt in Wort, Mahnung, geistlicher Besinnung, in christlicher Dichtung und Musik bringen?

Die Weihnachtszeit und der Anfang eines neuen Kirchenjahres kommt für uns mitten in Finsternis und Kälte hinein, verkündet kommende Erneuerung, das Kommen von Licht und Wärme für uns in die Welt. Diese Zeit gibt uns die Möglichkeit, mit den Augen Christi auf uns selbst und das vergangene Jahr zu blicken, denn zu dieser Zeit blickt unser Herr – inmitten von Armut, Verfolgung, Ungewissheit und Leid – das erste Mal mit Menschenaugen auf uns – mit den Augen seines Sohnes. Mit diesem Ereignis begann einst eine neue Zeit im Leben der ganzen Menschheit. Die Himmelswelt kam auf die Erde herab und offenbarte sich den Menschen. Gott musste menschliches Fleisch und Blut annehmen, um die Verlorenen zu retten und die Menschen in Gottes Reich zurückzuführen, aus dem sie einst vertrieben worden waren. Er kam in die Welt, um unsere Schuld zu sühnen.

Christi Geburt, vorausgesagt von den Propheten, geschaut von den Weisen und Hirten, verkündet von den Engeln, wurde zur Erfüllung von Gottes Plan. Voll Glauben, Freude und Ergebung an Gottes Willen standen Engel, Menschen und Tiere an der Krippe – sie durften am großen Weihnachtswunder teilhaben! Zu dieser gesegneten Zeit geht jeder von uns seinen Weg, um mit reinem Herzen das Kind anzubeten.

Glaube und Hoffnung und das Vertrauen auf Christus trösten die Menschen. Im gemeinsamen Gebet, im Hören der Predigt und in den Worten der Liturgen, in der Kirchenmusik – überall dort ist die Heilsbotschaft enthalten.

In der Ausgabe unserer Zeitschrift, die Sie in der Hand halten, gibt es viele Materialien über Musik – und nicht nur Kirchenmusik. Musik tröstet und erhebt den Menschen, weckt gute Gedanken und Gefühle, gibt Bildern eine Form und füllt unsere unklaren Gemütsregungen mit Inhalt. Musik gibt Freude und Hoffnung. Oft wird gesagt, dass die Orgel der zweite Prediger in der Kirche ist. Und das stimmt. In der Kirche und für den gläubigen Menschen kann es unterschiedliche Musik geben, aber wichtig ist eines: Sie muss trösten und die Seele wecken, nicht aber die fleischlichen Gelüste und niedrigen Gefühle, die die Seele verarmen und das Herz hart werden lassen.

Das Hirtenwort ist in dieser Ausgabe durch eine Predigt unseres Generalsynodenpräsidenten Vladimir Provorov vertreten. Möge es zur Stärkung eures Glaubens dienen!

Ich wünsche euch allen eine gesegnete Adventszeit und eine gesegnete Vorbereitung auf das Kommen unseres Herrn und Erlösers Jesus Christus in die Welt! Neigen wir uns in einhelligem Gebet vor seiner Krippe, öffnen wir unsere Herzen für die Frohe Weihnachtsbotschaft, demütigen wir uns vor dem Kinde, das für unsere Rettung und unseren Trost geboren wurde!

Der Herr segne uns!

*August Kruse,
Erzbischof der ELK und des Bundes Der ELKRAS*

ВЕСТИК

Журнал Евангелическо-Лютеранской Церкви выходит 4 раза в год

Редакторы журнала

Елена Дякина,
Антон Тихомиров

Верстка

Юлия Другова

Перевод на немецкий язык

Руфь Штубеницкая

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора

Адрес:

Россия,

193149, Санкт-Петербург,
д. Новосаратовка, д. 140

Тел.: (812) 441-09-07

E-mail: bote@elkras.ru

При перепечатке
ссылка обязательна

Регистрационное
свидетельство № 018676
от 7 апреля 1999 года

Отпечатано в типографии
«Офсет-Мастер»: Россия,
199026, Санкт-Петербург,
В.О. Большой пр. д. 62 лит. Б

Подписан в печать 29.11.2011

Тираж: 2000 экз.

На обложке – фото
Глеба Пивоварова.

DER BOTE

Zeitschrift der Evangelisch-Lutherischen Kirche erscheint viermal im Jahr

Redaktion

Elena Djakiwa,
Anton Tichomirov

Lay-Out

Julia Drugowa

Übersetzungen ins Deutsche

Ruth Stubenitzky

Namentlich gekennzeichnete Artikel geben nicht grundsätzlich die Meinung der Redaktion wieder

Adresse:

Nowosaratowka, 140
193149 St. Petersburg,
Russland

Тел.: (812) 441-09-07

E-mail: bote@elkras.ru

Druck: "Ofset-Master",
Russland 199026,
St. Petersburg,
Wassilij Insel, Bolschoj pr.
Haus 62 B

Redaktionsschluss –
29.11.2011

Auflage 2000

Auf der Titel- und Rückseite –
Foto von Gleb Pivovarov

Полнота радости

Владимир Прворов

Дорогие братья и сестры! Каждому из нас приходилось не раз с нетерпением ожидать какого-то важного события. Чья-то свадьба – детей, внуков или же своя собственная – рождение ребенка, какой-то значимый юбилей, результат игры любимой сборной на чемпионате мира по футболу... в конце концов, ожидание чуда. Но не всегда мы становимся свидетелями осуществления наших желаний. И потому человеку трудно допустить, что у Бога приготовлено для него нечто куда большее того, что мы обычно ожидаем.

Во время рождения Иисуса мир нуждался в Нем! И сегодня Он необходим нам не меньше. Ведь в Нем полнота мира и утешения. Сегодня об Иисусе знает значительно больше людей, чем тогда. Но в масштабах сегодняшнего населения земли не так уж и много искренне радующихся и ликующих о Рождестве.

Часто в Церкви, в рождественских фильмах и приветствиях мы слышим: «благословенного Рождества!». Надеюсь, вы и сами произносили это пожелание. Но было ли ваше Рождество всегда благословенным? Как много людей действительно радовалось, слыша рождественское благословение от вас? От чего и от кого зависит полнота рождественской радости и благословения? Ответы на эти и любые другие вопросы мы можем найти в Библии.

Посмотрим на тех людей, которые находились в центре рождественских событий. О благословенном Рождестве мы можем многое узнать от Марии, Иосифа, Елисаветы, пастухов, волхвов, старца Симеона, пророчицы Анны. Все они были свидетелями пришествия в этот мир Спасителя. Для Марии и Иосифа благословенным Рождество оказалось вдали от дома, там, где для них не нашлось другого места для ночлега кроме хлева. Но они были родителями

Мессии и знали, что даже в таком месте Бог рядом с ними! Для Елисаветы радость Рождества заключалась в том, что ее сын приготовит путь Иисусу. Пастухи и после Рождества остались всего лишь пастухами, но они были свидетелями ликования воинства небесного, видели Младенца Христа. В их жизнь радостное ликование и благословение вошло через послушание Богу: они услышали, пошли и увидели Того, в Ком нуждается весь мир. Для волхвов благословенным Рождество стало после длительного следования за звездой, указывавшей им на место рождения великого Царя. Для Симеона и Анны Рождество стало благословенным, потому что в полноте лет они узрели Мессию и тем самым смогли в мире, наконец, предстать перед Богом. Встреча с Иисусом стала для них величайшим подтверждением Божьего Слова и Его обетований!

Пусть для каждого из вас Рождество всегда будет благословенным: в вашем смиреннии перед Богом, в вашем послушании Ему, в вашем следовании за Ним, в вашей радости общения с Ним, в Вашем свидетельстве о Нем!

Благословенного Рождества! ■

Фрагменты фрески Гауденцио Феррари в Сорронском соборе (Италия)

Fragmente der Wandmalerei von Gaudenzio Ferrari aus der Kathedrale in Sorronto (Italien)

Die Fülle der Freude

Vladimir Provorov

Liebe Geschwister!
 Jeder von uns hat schon einmal ungeduldig auf ein wichtiges Ereignis im eigenen Leben oder im Leben seines Volkes gewartet. Der Anlass für solche Erwartung können unterschiedliche Ereignisse sein: eine Hochzeit – ein Kind oder Enkel heiratet oder vielleicht sogar man selbst – die Geburt eines Kindes, ein bedeutungsvoller Jahrestag, das Ergebnis deiner Lieblingsmannschaft bei der Fußballweltmeisterschaft... ja das Warten auf ein Wunder. ... Aber nicht jede Erwartung sehen wir erfüllt. Der Mensch kann sich ja manchmal gar nicht vorstellen, dass Gott für ihn etwas bereit hat, was größer ist als die gewöhnliche menschliche Erwartung. Zur Zeit von Jesu Geburt hatte die Welt ihn nötig! Die Welt benötigt Jesus heute genauso wie zu jeder anderen Zeit, da in ihm die Fülle des Friedens und des Trostes ist. Heute wissen deutlich mehr Menschen von Jesus als damals. Dennoch gibt es heute im weltweiten Vergleich nicht allzu viele Menschen, die sich wirklich jubelnd über Weihnachten freuen. Wir bekommen sehr oft in der Kirche, in Weihnachtsfilmen und -grüßen zu hören: „Gesegnete Weihnachten!“

Ich hoffe, ihr habt auch selber diesen Segen weiterverbreitet. Aber war eure Weihnachtsfeier immer gesegnet? Habt ihr diesen Segen erlebt? Wie viele Menschen haben sich wirklich gefreut, von euch den Weihnachtssegens zu hören? Wovon und von wem hängt die Fülle der Weihnachtsfreude und des Segens ab? Die Antworten auf diese und alle anderen Fragen können wir in der Bibel finden.

Sehen wir uns die Menschen an, die im Mittelpunkt des Weihnachtsgeschehens standen. Wir können von Maria, Joseph, Elisabeth, den Hirten, den Weisen, von Simeon und der Prophetin Hanna vieles über den Weihnachtssegens erfahren. Für Maria und Joseph war Weihnachten in der Fremde

gesegnet, dort, wo sie keine andere Unterkunft fanden als einen Stall. Aber sie waren die Eltern des Messias und wussten, dass selbst an diesem Ort Gott bei ihnen war! Für Elisabeth bestand die Weihnachtsfreude darin, dass ihr Sohn, den sie im Alter geboren hatte, Jesus den Weg bereiten würde. Die Hirten blieben auch nach Weihnachten Hirten, aber sie waren Zeugen des Jubels der himmlischen Heerscharen geworden, sie hatten das Christuskind gesehen – in ihr Leben war durch den Gehorsam gegenüber Gott freudiger Jubel und Segen eingekehrt: Sie hatten davon gehört, waren hingegangen und hatten sich vergewissert – sie hatten den gesehen, den die ganze Welt nötig hat. Für die Weisen wurde Weihnachten zum Segen, nachdem sie lange dem Stern nachgewandert waren, der ihnen die Geburt des großen Königs anzeigte. Für Simeon und Hanna wurde Weihnachten dadurch gesegnet, dass sie im reifen Alter den Messias erblickten und am Ende ihrer Erdentage in Frieden vor Gott treten konnten. Die Begegnung mit Jesus wurde für sie zur größten Bestätigung von Gottes Wort und Verheißung!

Möge Weihnachten für jeden von euch immer gesegnet sein in eurem demütigen Gehorsam gegenüber Gott, in eurer Nachfolge, in eurer Freude an der Gemeinschaft mit ihm, in eurem Zeugnis von ihm!

Gesegnete Weihnachten! ■

ЗНАЮЩИЙ ГЛУБИНУ

К 125-летию со дня рождения Пауля Тиллиха (1886-1965)

Антон Тихомиров

Пауль Тиллих
(1886-1965)

Вы уже не можете называться атеистом или неверующим. Ведь вы не можете подумать или сказать: «У жизни нет глубины! Жизнь мелка. Реально лишь то, что лежит на поверхности!». Если вы можете утверждать это вполне серьезно, тогда вы атеист, в противном же случае – нет. Кто знает о глубине, знает и о Боге», – так говорит Пауль Тиллих в одной из своих знаменитых проповедей. Свое богословие он называл «апологетическим». Это заимствованное из истории ранней Церкви слово означало для него не ожесточенные попытки «отбиться» от мира, закоснелость в собственной мнимой или воображаемой правоте, а – как раз наоборот – открытость и готовность отвечать на задаваемые современным человеком вопросы. Тиллих пытался говорить о Боге на языке современной ему глубинной психологии и экзистенциальной философии. Не отступаться от истины, но суметь перевести ее на язык, понятный далеким от Церкви людям. Для того чтобы хоть кто-нибудь из них однажды смог сделать для себя потрясающее открытие: а ведь христианство – это не набор нелепых, устаревших догм, а живой опыт, отвечающий и моим собственным глубочайшим вопросам и размышлениям...

Пауль Тиллих родился 20 августа 1886 года в Пруссии, на территории нынешней Польши. Будучи сыном лютеранского пастора, он решил

«**Б**ог – таково имя бесконечной и неисчерпаемой глубины и основы всего бытия. И если слово “Бог” для вас мало что значит, переведите его и говорите о глубинах вашей жизни, об источнике вашего бытия, о том, что для вас важнее всего, что вы принимаете безоговорочно всерьез. Может быть, для этого вам придется забыть все традиционные представления о Боге, с которыми вы знакомы. А может быть даже и само это слово. Ибо если вы знаете, что Бог – это глубина, то вы уже знаете о Нем немало.

пойти по стопам отца. Во время Первой мировой войны он служит капелланом в действующей армии. Военный опыт стал для него тяжелым потрясением, привел к утрате привычных ориентиров, однако, не смог отвести его от богословских занятий. Практически сразу после войны Тиллих начинает преподавательскую деятельность, венцом которой станут много позже лекции в Гарвардском университете. Этот путь не был гладким. В 1933 году, после прихода к власти Гитлера, Пауля Тиллиха – первым из профессоров «арийского происхождения» – отстраняют от преподавательской деятельности. Друзья помогают ему эмигрировать в Америку, где многое приходится начинать заново. Английский так и не стал для немецкого богослова по-настоящему родным языком, тем не менее, именно на нем будут написаны самые важные его сочинения. Именно в Америке, которую он поначалу считал «глубоко провинциальной», он обретет подлинное признание. Он даже становится «человеком с обложки». Его фотография появляется на обложке журнала «Newsweek».

Пауля Тиллиха нередко обвиняли в стремлении приспособиться к современной культуре, говорить то, что людям хочется слышать. Но это заблуждение. Он говорил не то, что людям хотелось, а то, что им было нужно услышать, то, в чем они испытывали подлинную потребность, то, что находило отклик в глубине их сердец. В отличие от своего великого оппонента Карла Барта, Тиллих не разделяет веру и религию. Однако их отношения отнюдь не безоблачны. В восприятии Тиллиха «Бог борется с религией изнутри религии». Это

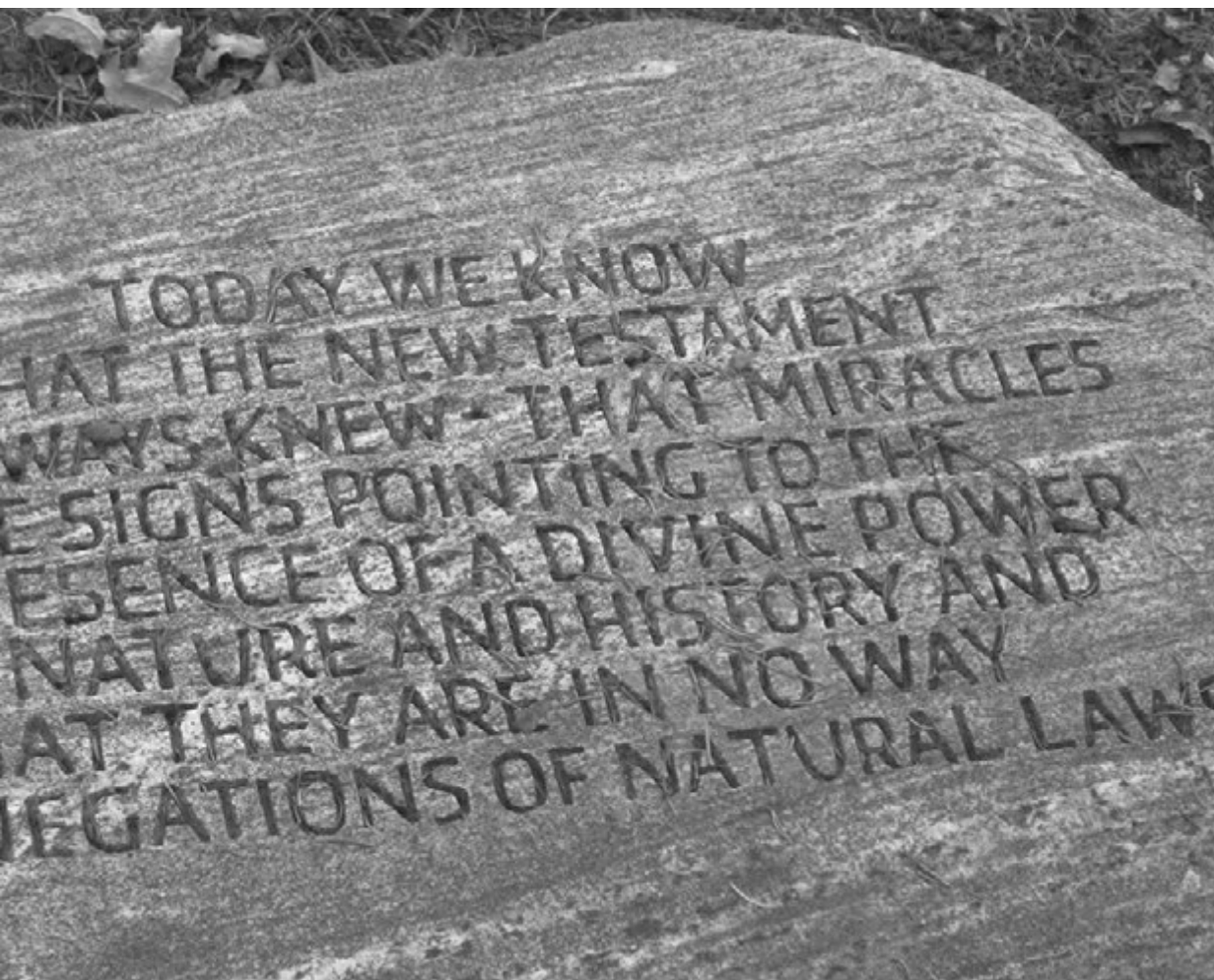

значит, что религия и подлинное богопознание отнюдь не идентичны: религия с ее человеческими традициями, мифами, установлениями способна затмить собой подлинное откровение Бога. Однако отказываться от религии, противопоставлять ее откровению Бога (как это делали вслед за Бартом сторонники диалектической теологии) нельзя. Речь о Боге требует религиозного языка, она невозможна без религиозных мифов и символов. Нужно только помнить о том, что любой символ ограничен и нуждается в постоянной корректировке. Ни один символ не может заменить собой то, что он символизирует. Ни один образ Бога – даже самый глубокий и самый возвышенный – не должен заслонять от нас Самого Бога: непознаваемого, таинственного, «абсолютно иного». Иначе снова и снова будет повторяться (и это действительно происходит) история золотого тельца: вместо Самого Бога израильтяне, растерявшиеся в ситуации Его молчания, кажущегося отсутствия, решили поклониться Его образу. Мы не можем говорить о Боге, не прибегая к ограниченным (и потому в чем-то ложным) образам. Если же нам кажется, что в наших сомнениях исчезает Бог, то речь идет не о Самом Боге, а каком-то Его конкретном и ограниченном образе, который в силу определенных причин перестал быть адекватным. И правильнее в такой ситуации не давить в себе все эти сомнения, не цепляться упорно за привычный образ, а воспринять его крушение как шаг на пути к подлинному, непознаваемому Богу.

Простой пример: до сих пор есть христиане, которые верят в Бога как старичка с бородой, сидящего на облаке. Такую веру легко разрушить самым элементарным советско-атеистическим утверждением: «А Гагарин Бога не видел!». Результатом будет либо потеря веры, либо столь необходимый и полезный для веры переход к более глубоким образам Бога, которые уже так просто не разрушить. Так «разрушение веры» становится путем к ее укреплению. Иногда это очень тяжелый, болезненный путь, и «лишь Церковь, которая проповедует Распятого, воззвавшего к Богу, который остался Его Богом, после того, как Бог доверия оставил Его во мраке сомнения и отсутствия смысла», – пишет Тиллих.

Таким образом, сомнение, ставящее под вопрос всякий конкретный образ Бога, помогает нам приблизиться к истинному Богу. Иногда Тиллих даже говорит об «оправдании сомнением»...

В городе Нью Хармони (штат Индиана, США) находится Парк Пауля Тиллиха. Он был открыт 2 июня 1963 года. После смерти теолога в 1965 году туда был перенесен его прах. Среди вечнозеленых растений стоит несколько камней разной величины с цитатами из работ Тиллиха, а также бюст теолога, выполненный скульптором Джеймсом Росэти.

Один из камней в Парке Тиллиха в г. Нью Хармони с цитатой из его работ: «Сегодня мы знаем то, что всегда знал Новый Завет: чудеса – это знаки, указывающие на присутствие Божественной силы в природе и в истории, а ни в коем случае не отрицание природных законов»

→ Вслед за Лютером, который говорил о Боге, как о том, «к чему прилепилось твое сердце», Тиллих учит, что Бог – это «безусловная реальность» или «предельная заинтересованность», то есть то, что для нас во всех обстоятельствах важнее всего. Таких богов может быть много: успех в жизни, нация, своя страна, своя семья, я сам... Но каждый может быть разрушен обстоятельствами. Только Бог Израиля, Бог Библии, Бог Иисуса Христа, Бог, открывшийся на кресте, в радикальном уничтожении; принявший на Себя это уничтожение и выдержавший его, есть истинный Бог. Истинный Бог – не некое отдельное существо или явление. Это сама «глубина и бездна бытия». Это предельная глубина всего существующего и происходящего в мире. Собственно, вся человеческая культура, искусство и есть поиски такой глубинной, божественной реальности, попытки выразить ее человеческими средствами. Поэтому всякое искусство религиозно, – даже если оно протестует против религии.

Открыть Бога в сомнениях в Боге, открыть Бога в протесте против Бога, открыть Бога в высших взлетах человеческого творчества – даже совершенно, казалось бы, светских – вот одно из важнейших устремлений Пауля Тиллиха. Кто знает о глубине, знает и о Боге. Как бы ни относиться к мыслям великого богослова и философа (о них, естественно, можно спорить), он был человеком, знающим о глубине, чувствовавшим глубину и умевшим говорить о ней так, чтобы его услышали. ■

Камень на могиле Тиллиха с цитатой из псалма (1,3): «И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет».

THE DEPTH OF EXISTENCE Проповедь

Сегодня популярна так называемая «глубинная психология». Она ведет нас от поверхностного знания о себе самих к таким уровням, где запечатлено то, чего мы не осознаем. Она открывает нам такие наши черты, которые, как может показаться, противоречат тому, что мы знали о себе раньше. Она помогает нам найти путь в глубину. Но, в конце концов, она все же не может помочь нам в главном. Она не может привести нас к самому глубокому основанию нашего бытия и всяческого бытия вообще, к глубине самой жизни.

Бог – таково имя бесконечной и неисчерпаемой глубины и основы всего бытия. И если слово «Бог» для вас мало что значит, переведите его и говорите о глубинах вашей жизни, об источнике вашего бытия, о том, что для вас важнее всего, что вы принимаете безоговорочно всерьез. Может быть, для этого вам придется забыть все традиционные представления о Боге, с которыми вы знакомы. А может быть даже и само это слово. Ибо если вы знаете, что Бог – это глубина, то вы уже знаете о нем немало. Вы уже не можете называться атеистом или неверующим. Ведь вы не можете подумать или сказать: «У жизни нет глубины! Жизнь мелка. Реально лишь то, что лежит на поверхности!». Если вы можете утверждать это вполне серьезно, тогда вы атеист, в противном же случае – нет. Кто знает о глубине, знает и о Боге.

Мы говорим о глубине мира и глубине наших душ. Но в мире мы существуем, находясь в общении с другими людьми. Мы можем изучать свою душу только в зеркале тех, кто смотрит на нас. Нет глубины жизни без глубины социальной жизни. Но и в истории мы точно так же обитаем на поверхности, как и в нашей индивидуальной биографии. Свою историческую ситуацию мы воспринимаем такой, какой она кажется нам, а не такой, какова она на самом деле. Поток ежедневных новостей, волны пропаганды, падкость на сенсации оккупировали наши умы. Шум этих многих вод мешает нам прислушаться ко звукам из глубины, к звукам реальных событий, совершающихся в основании нашей социальной структуры, в жаждущих сердцах человеческих масс и в горячих умах тех, кто чувствителен к историческим переломам.

Наш слух столь же неспособен различить крик из глубины нашего общества, как он глух к воплю наших собственных душ. (...) Когда-то нам казалось, что мы

Пауля Тиллиха «Глубина Бытия»

живем в эпоху неудержимого прогресса, ведущего к улучшению человечества. Но в глубине нашей социальной структуры уже тогда силы разрушения готовились к схватке. Когда-то казалось, что человеческий разум овладел природой и историей. Но так было только на поверхности. А в глубине нашего сообщества уже началось восстание против нее. Мы производили все лучшие инструменты и средства, помогающие жить. Но в глубине они уже обращались в инструменты и средства разрушения.

Уже десятилетия назад пророческие умы вглядывались в глубину. Художники выражали ожидание грядущей катастрофы в своих картинах искажением поверхностного образа человека и природы. Поэты использовали странные и агрессивные слова и ритмы, чтобы пролить свет на контраст между кажущимся и реальным. Наряду с глубинной психологией возникла и глубинная социология.

Но только сейчас, в десятилетие самых жутких социальных потрясений в истории глаза народов открылись для созерцания глубины, разверзшейся под ними и истины, касающейся их существования. Но все равно еще остаются люди, в том числе и занимающие высокие посты, которые отворачиваются от глубины, желают вернуться на искаженную поверхность, как если бы ничего не случилось. Но мы, осознающие глубину произошедшего, не должны удовлетворяться достигнутым уровнем.

Мы можем разочароваться и отчаяться в себе. Но давайте все же и дальше стремиться к основаниям нашей исторической жизни, к последним глубинам истории.

Бог – таково имя бесконечной и неисчерпаемой глубины и основы истории (...) Возможно, вы назовете эту глубину надеждой, просто надеждой. Ибо если вы обретаете надежду в основании истории, то вы соединяетесь с великими пророками, которые взирали вглубь их собственных времен и которые стремились избежать этого, поскольку не могли выдержать всего ужаса собственных видений. И все же они обладали силой взглянуть на еще более глубокий уровень и обнаружить там надежду. И надежда не постыжала их.

И мы не будем постыжены, если найдем надежду не на поверхности, с которой глупцы связывают свои пустые чаяния, а в глубине – там, где трепещущие и кающиеся сердца получают эту силу надежды, которая есть истина.

Последнее должно подвести нас к другому значению слов «глубокий» и «глубина» как в мирском, так и в религиозном языках: глубина страданий, которая является дверью, единственной дверью к глубине истины. Это очевидный факт. Жить на поверхности комфортно до тех пор, пока она спокойна. Уйти с нее, устремиться в неизведанные глубины тяжело. Невероятное сопротивление этому со стороны каждого человека и множество отговорок против пути в глубину естественны. Для большинства людей невыносимо всматриваться в свои собственные глубины. Они, скорее, предпочтут вернуться даже на сотрясаемую и непрочную поверхность своей прежней жизни и своих прежних представлений (...)

Кое-что весьма серьезное, связанное с путем в глубину можно использовать, как оправдание для своего нежелания отправиться в него. В религиозном языке слово «глубина» часто используется для обозначения сумеречного места, где обитают злые, демонические силы, места смерти, ада. Так, может быть, путь в глубину – это дорога к царству, где владеют такие силы? И нет ли в стремлении к глубине деструктивных элементов? (...)

Я отвечу на эти вопросы пересказом старого, красивого мифа. Когда душа покидает тело, она должна пройти через множество сфер, в которых владеют демонические силы. И только та душа, что знает правильное и могущественное слово, способна прорваться сквозь них к последней, Божественной глубине. Ни одна душа не может избежать этих испытаний. Если мы вспомним о борениях святых всех времен, всех пророков и реформаторов, всех великих творцов, то мы признаем правоту этого мифа. Каждому предстоит встать лицом к лицу с глубиной жизни. И опасность такой встречи – не оправдание для того, чтобы отказаться от нее. С этой опасностью можно справиться, зная освобождающее слово (...)

Нет оправданий для того, чтобы избегать встречи с глубиной истины. Но единственный путь к ней пролегает через глубину страданий (...) Потому Исайя славит Израиля, Божьего Отрока за глубину его страданий. И потому Иисус называет блаженными тех, кто в скорби и подвергается преследованиям, тех, кто алчет и жаждет в телесном и духовном смысле. И потому Он призывает потерять свои жизни, чтобы обрести их (...)

Точно так же дело обстоит и с нашими представлениями. Все изменяется. Религию и христианство часто обвиняли в иррациональности и парадоксальности. Разумеется, с ними, и правда, было связано немало глупостей, суеверий и фанатизма. Повеление принести в жертву свой интеллект является, скорее, демоническим, нежели божественным. Ибо человек перестает быть человеком, если отказывается от своего разума. Но глубина жертвы, страданий и Креста касается и нашего мышления. Каждый шаг в глубину мышления – это разрыв с поверхностью прежних мыслей. Когда такой разрыв происходил в людях вроде апостола Павла, Августина или Лютера, то это означало столь тяжелые страдания, что они напоминали смерть и ад. Но эти люди принимали такие страдания как путь к глубокому постижению Бога, как духовный путь, как путь к истине (...) Парадоксальный язык религии открывает путь к истине как путь в глубину и потому – как путь страданий и жертвоприношения. И только тот, кто готов идти по этому пути, может понять парадоксы религии.

Последнее, что я хочу сказать о пути в глубину, касается одного из таких парадоксов. В конце пути нас ждет радость. А радость глубже страданий. Она ультимативна. Я выражу это словами человека, который в своей страстной жажде глубины, оказался в плену разрушительных сил, не зная слова, способного победить их. Фридрих Ницше написал: «Мир глубокий, глубже, чем может понять сегодняшний день. Его скорбь глубока. Но все же радость глубже любого горя. Скорбь говорит: “Прочь, отрада!”. Но радости стремятся ко всей вечности, стремятся к глубокой, бездонной вечности».

Вечная радость – конец путей Божьих. Это суть всех религий. Царство Божье – мир и радость. Это суть христианства. Но вечной радости не достичь, живя на поверхности. Нужно вырваться с нее, проникнуть в глубины самого себя, нашего мира и Бога. Момент, когда мы достигаем последней глубины нашей жизни – это момент, когда мы испытываем вечную радость, надежду, которая не может быть разрушена, и истину, на которой зиждется наша жизнь и смерть. Ибо истина в глубине. И глубина – это надежда. И глубина – это радость. ■

Перевод с англ.
Антон Тихомирова

ОБРЕТЕННЫЙ РАЙ

Антон Тихомиров

Иногда в желтой прессе или в соответствующих программах на телевидении можно прочитать или услышать о «научных» экспедициях, призванных отыскать ту местность, которая в Библии именуется Эдемом. Порой все менее анекдотично... но все равно мы привычно вздыхаем о «потерянном рае», ищем способы ощутить хоть отблеск райского блаженства. Но почему, собственно? Почему рай все еще считается потерянным? Джон Мильтон так начинает свою великую поэму «Потерянный рай»:

*О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принес
И все невзгоды наши в этот мир,
Людей лишил Эдема, до поры,
Когда нас Величайший Человек
Восставил, Рай блаженный нам вернул, –
Пой, Муза горячая!*

(перевод Аркадия Штейнберга)

С момента пришествия в наш мир Сына Божия говорить о потерянном рае как минимум некорректно!

Николаус Герман очень хорошо знал это. Главная идея его рождественской песни в том, что «Бог неба и земли объявляет этот день «Днем открытых дверей», «Днем дверей, открытых впредь и навсегда», – так пишет в своем комментарии Иоахим Штальман. Дверь в потерянный некогда рай открыта. Херувим с огненным мечом больше не стоит перед ней. Однако песнопению Германа чужд пафос начальных строк мильтоновской поэмы. Величие Иисуса Христа – в Его уничиженности.

Нередко при мысли о Рождестве перед нашим мысленным взором встают привычные слащаво-сентиментальные картинки

Хри - стов на - род, хва - ли Твор - ца На
тро - не в не - бе - сах, От - крыл Он ны - не
Царст - во нам И Сы - на да - ро -
вал, И Сы - на да - ро - вал.

2. Он от Отца к нам в мир пришел, / Ребенком малым стал, / В хлеву явился миру Он, / Как Ангел возвещал, / Как Ангел возвещал.

3. Всю мощь Свою с Себя сложил / И вид раба принял, / Унижен стал, Кем создан мир, / Царь славы – скорбь избрал, / Царь славы – скорбь избрал.

4. Для нас Он чудо совершил: / Одним из нас Он стал, / И Царство нам Свое открыл, / Вдохнул в нас Дух Отца, / Вдохнул в нас Дух Отца.

5. И рай нам больше не закрыт / Пылающим мечом / Творец к нам вновь благоволит / В рождении Своем, / В рождении Своем...

лубочных вертепов. Но на самом деле суть Рождества в том, что «Царь славы скорбь избрал». Скорбь... В оригинале песнопения есть строки, которые и вовсе могут показаться преувеличением, как сейчас говорят, «нагнетанием негатива»: Иисус лежит в яслях «elend, nackt und bloß» («несчастный и нагой»). Пытаясь выразить произошедшее в ту ночь, Николаус Герман словно бы забывает о тех пеленах, в которые должен был быть укутан Младенец... Однако такая речь вполне оправдана, ведь речь идет не столько о физической наготе, сколько о том, что Сын Божий отказался от своего Божественного величия, придя к нам, в наш мир. Для Него жизнь на земле была отнюдь не увеселительной прогулкой. Он принял нашу плоть и кровь по-настоящему, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но равным образом, столь же по-настоящему приготовил Он нам взамен «чистую божественность» (которая в русском переводе заменена осторожным «Духом Отца»). «Das mag ein Wechsel sein!» – восклицает Герман в пятой (оставшейся непере-веденной) строфе: «Вот это обмен!». Его слова (как и некоторые высказывания рождественских песнопений Лютера) напоминают православное учение о теозисе (обожении) как главной цели человека: Бог становится человеком, чтобы мы стали причастны Божественной природе. Однако так далеко Николаус Герман, пожалуй, не заходит. Главным для него все-таки являются не высокобогословские спекуляции на темы древних отцов Церкви, а опыт открытости раю, опыт возвращения в рай. Именно за это Богу предлежит слава и благодарение.

Интересно, что это песнопение изначально было предназначено для детей. Оно вошло в написанный Германом сборник: «Воскресные Евангелия на весь год, изложенные в песнопениях для детей и отцов христианских семейств в году 1560». Мелодия позаимствована у народной хороводной песни. Николаус Герман, по причине болезни вынужденный оставить свое служение в школе, нашел такое применение своему дару христианского учителя. Так что изначально речь идет о детской песне для исполнения дома или в школе. «Если кто-то посчитает эти песни – пишет Николаус Герман о своем сборнике – достойными для использования в церкви, то пусть делает это на свой страх и риск». Сегодня можно сказать, что этот «риск» уже давно оправдал себя. «Христос народ, хвали Творца» принадлежит к числу самых любимых в мире рождественских песнопений.

Рай открыт. Перед его дверьми больше нет ангельской стражи. Но почему же мы этого не замечаем? Почему вместо райского блаженства нам достается только сентиментальный рождественский китч? Может быть, мы слишком привыкли к пусть и интенсивным, но дешевым удовольствиям, а потому не ощущаем того, что является настоящим и глубоким? Ведь подлинное райское блаженство (а не то, о котором можно услышать в рекламе шоколада), равно как и подлинная любовь, подлинная радость, подлинное счастье невыразимы языком броских телевизионных шоу, их не изобразить на глянцевого обложках... даже если это церковные шоу и церковный глянец... Может, и так. Может, причина в другом. Но эти вопросы не к Николаусу Герману. Он-то знал, знал точно, что «рай нам больше не закрыт». Это вопросы к нам с вами. ■

Агата Кристи Звезда над Вифлеемом

Знаменитая английская писательница Агата Кристи (1890-1976) известна прежде всего как автор детективной прозы. И мало кто знает о том, что она написала и несколько рождественских историй.

Вот один из самых необычных пересказов евангельского сюжета...

Мария взглянула на Младенца в яслях. В кошаре кроме них да овец никого не было. Мария улыбнулась Малышу, и сердце ее исполнилось гордостью и счастьем. Тут вдруг зашуршали крылья, и, обернувшись, Мария увидела на пороге огромного ангела. Он весь светился, точно солнце поутру, и лицо его было так прекрасно, что у Марии помутилось в глазах, и она принуждена была отвернуться.

Ангел заговорил, и глас его походил на трубный зов:

– Не бойся, Мария, не страшись.
– Я не боюсь, святой посланник Божий, – тихо и мягко отозвалась Мария. – Просто лик твой на миг меня ослепил.

– Я пришел говорить с тобой, – продолжал ангел.

– Говори, святой, – отважно сказала Мария. – Каковы повеления Господа нашего?

– Я не принес повелений, – ответил ангел. – Но поскольку Господь возлюбил тебя особо, он разрешил тебе, с моей помощью, заглянуть в будущее.

Мария перевела взгляд на Ребенка.

– В Его будущее?

Лицо ее засветилось радостным ожиданием.

– Да, – тихо подтвердил ангел. – В Его будущее... Дай-ка руку.

Мария протянула руку, и ладони их соприкоснулись. Марии показалось, будто она тронула огонь. Огонь, который не жжется. Она подалась было назад, но ангел повторил:

– Не бойся. Я – бессмертен, ты – смертна, но мое прикосновение не причинит тебе зла. Ангел простер над спящим Младенцем огромное золотое крыло и промолвил:

– Узри же будущее, мать. Узри своего Сына.

Мария смотрела прямо перед собой, и стены

кошары вдруг померкли, растворились... Она увидела сад. Была ночь, над головой ее мерцали звезды, а в саду стоял на коленях Человек. Он молился.

Что-то ворохнулось в груди у Марии: материнское сердце подсказало, что это ее Сын. И она обрадованно сказала себе: «Он молится. Он вырос хорошим, преданным Богу человеком». Но тут внутри у нее все похолодело, потому что Человек поднял голову, и на лице Его отразилась такая боль, такое отчаяние... Никогда прежде не доводилось ей видеть столько горечи и муки в глазах человеческих. И Он был совсем один. Один-одинешенек. И просил Бога, чтобы чаша страданий миновала Его. Но молитва оставалась безответной. Бог не внимал ее Сыну. Бог молчал.

Мария, не стерпев, воскликнула:

– Почему же Господь не ответит, не утешит Его?

– У Господа иной замысел, – отозвался ангел.

И Мария, поникнув головой, прошептала с покорностью:

– Что ж, проникнуть в Господни замыслы – не наш удел. Но этот Человек... мой Сын... Неужели у Него нет друзей? Ни одной доброй человеческой души, чтоб была рядом?

Ангел прошуршал крылом, и взору Марии предстала другая картина. В том же саду, но чуть поодаль, спали прямо на земле какие-то люди.

– Он так нуждается в них сейчас, – горько вздохнула Мария. – Мой Сын нуждается в них, а им все равно!

– Они всего лишь грешники, обыкновенные грешники, – объяснил ангел.

– Но мой Сын – добрый человек, – пробормотала Мария. – Добрый и праведный.

И снова прошуршало крыло ангела, и Марии явилась ведущая вверх дорога. По ней, сгибаясь под тяжестью крестов, шли трое в окружении римских легионеров. Позади гудела толпа.

→ – Что ты видишь теперь? – спросил ангел.
 – Трех преступников ведут на казнь.
 Тот, что шел слева, обернулся. Лицо его было столь жестоким и грубым – Мария даже отшатнулась.
 – Да, точно, это злодеи, – сказала она.
 Шедший посередине споткнулся и чуть не упал. В этот миг Мария Его узнала.
 – Не может быть! – воскликнула она. – Я не верю! Мой Сын не преступник!
 Ангел снова прошуршал крылом, и вот уже стоят на горе три креста, и на среднем – в страшных мучениях Он, ее Сын. Из сухих потрескавшихся губ Его доносится шепот:
 – Бог мой, Бог мой, почему Ты меня покинул? – Марии не хватило смирения.
 – Нет! Это неправда! Мой Сын не мог сделать ничего дурного. Это какая-то ужасная ошибка. Так бывает: Его просто с кем-то перепутали и наказали за чужое преступление.
 Снова прошуршало крыло. На этот раз Мария увидела человека, которого почитала больше всего на свете, первосвященника своей церкви. Благородный и осанистый, он поднялся и принял торжественно, напоказ, рвать на себе одежды, а потом громко закричал:
 – Святотатец!
 За спиной первосвященника мелькнула знакомая фигура. Святотатцем оказался ее Сын! Тут все картины померкли, осталась только каменная, мазанная глиной стена кошары. Мария дрожала всем телом. Голос ее звенел от отчаяния:
 – Я не верю! Я никогда не поверю! Мы богобоязненные, праведные люди. И моя семья, и семья Иосифа. Мы воспитаем Сына в уважении к религии, Он будет почитать веру отцов. Наш Сын не может быть святотатцем. Никогда в это не поверю! То, что ты показал, не может быть правдой.
 – Посмотри на меня, Мария, – произнес ангел. И она посмотрела. Сияние... Прекрасное лицо...
 – То, что я показал тебе, – истина, – продолжил посланник Бога. – Ибо я – Утренний ангел, а утренняя заря – это свет истины. Ты веришь мне?
 И Мария вопреки своей воле поняла: да, это правда. Она не могла не верить. По щекам ее побежали слезы. Склонившись над лежащим в яслях Младенцем, она распростерла руки – защитить, уберечь...
 – Мой Сын... – рыдала она. – Мой маленький, беспомощный Мальчик... Как же спасти тебя? Как отвести беду? Как уберечь – не только от страданий и боли, но и от зла, которому суждено прорасти в Твоем сердце? Ах, лучше бы Ты вовсе не родился на свет. Или умер с первым же вздохом. Тогда Ты вернулся бы к Богу без греха и порока.
 Ангел прервал ее:
 – Потому-то я и пришел к тебе, Мария.
 – О чем ты?
 – Ты увидела будущее. И теперь ты вправе выбрать: жить твоему Сыну или умереть.
 Мария склонила голову низко-низко и пробормотала, сдерживая всхлипы:

– Его подарил мне Господь... И если Господь сейчас заберет Его назад... это, наверно, будет лучшим исходом, и я подчинюсь Его воле, хотя сердце мое разорвется на части...
 – Ты не поняла, – мягко прервал ее ангел. – Господь не принуждает тебя отдать Сына. Выбор за тобой. Ты видела будущее, тебе и решать: жить сыну или умереть.
 Мария смолкла. Она была из тех женщин, что думают не особенно быстро. Взглянула на ангела, ища совета, подсказки, но он отвел глаза. Золотой, прекрасный и бесконечно далекий.
 Мария перебрала в памяти явленные ей картины: страдания в саду, постыдная смерть, забытый Богом вероотступник, святотатец...
 А сейчас Он лежит в колыбели: невинный, чистый, счастливый.
 Она все не могла решиться: думала, вспоминала все, что показал ангел. И странное дело, теперь ей припоминались мелочи, которые поначалу она даже не заметила. Например, лицо человека на правом кресте. Не злое, не свирепое, просто – безвольное. А смотрел он на Того, Кто был распят посередине, смотрел с любовью, верой и восхищением. И Мария удивленно подумала: он смотрит так на моего Сына...
 А потом вдруг так остро, так ясно вспомнилось лицо Сына, когда Он глядел на друзей своих, спящих в саду. И печаль, и жалость, и понимание, а главное – безмерная любовь читались в этом взгляде. Это лицо очень хорошего человека, подумала Мария. И снова – сцена суда. Только на этот раз она всматривалась не в блистательного первосвященника, а в обвиняемого... Нет, виновным Он себя не чувствовал.
 И тревожно, смутно стало на душе у матери.
 – Ну что, Мария, ты сделала свой выбор? – спросил ангел.
 – Ты избавишь сына от страданий и порока?
 В ответ Мария медленно проговорила:
 – Не мне, темной и простой женщине, понять промысел Божий. Господь подарил мне Ребенка. Захочет отнять – на то Его воля. Но не мне отбирать жизнь, данную Господом. Возможно, мне не понять моего Сына. Да и не все я видела – так, отрывки. Он Младенец, но это Его жизнь, а не моя, и права распорядиться ею у меня нет.
 – Подумай еще, – сказал ангел. – Не хочешь ли передать мне младенца с рук на руки, чтобы я отнес его обратно к Господу?

– Забирай, если такова Его воля, – ответила Мария. – Но не из моих рук.

Шум крыльев, вспышка света, и ангел исчез, будто и не было.

Вскоре пришел Иосиф, и Мария поведала ему обо всем, что случилось. Иосиф согласно кивал, а выслушав до конца, сказал:

– Ты правильно поступила, жена. Да и кто знает, может, и ангел-то был лгуном.

– Нет, – возразила Мария, – ангел говорил правду. Она верила в это до глубины души.

– А я не верю, – упрямо сказал Иосиф. – Мы будем растить его бережно, праведно, дадим религиозное образование, потому что нет ничего важнее образования. Он будет работать со мной в мастерской, ходить с нами по субботам в синагогу, будет праздновать с нами праздники и принимать очищение.

Иосиф заглянул в ясли и добавил:

– Видишь, наш Сын улыбается...

Малыш и впрямь улыбался и тянул ручонки к матери, словно говорил:

– Ты правильно сделала.

В облаках же, в небесной выси корчился от ярости и гордыни ангел:

– Подумать только! Не сладил с глупой, невежественной женщиной! Ну да ничего, случай еще представится. Однажды, когда Он будет усталым, голодным, слабым... Я отведу Его на вершину горы и покажу земные царства, покорные моей воле. И предложу ими править. Отдам в Его власть

города, царей и народы. Разрешу Ему останавливать войны, голод и гнет. Если подчинится мне, Он все сможет, все! Подарит людям мир, изобилие, благоденствие и добрую волю. Я предложу ему стать Высшей Силой Добра. Ему не устоять против такого искуса!

И Люцифер, Сын Зари, засмеялся, предвкушая грядущее и не ведая его. Он мелькнул в небе, точно сияющий факел, и канул в черную глубину.

На востоке трое дозорных, что день и ночь наблюдали за небесами, доложили своим старейшинам:

– Мы видели в небе большое зарево. Должно быть, родился кто-то великий.

Все принялись перешептываться, обсуждая небесное знамение, а самый старейший из небесных часовых шептал себе под нос:

– Божье, говорите, знамение? Да не нужны Господу ни знамения, ни чудеса. Скорее уж, это знак от самого Сатаны. Сдается мне, что ежели б Господу вздумалось к нам сойти, Он сделал бы это очень, очень тихо...

А в кошаре тем временем царило веселье, и общество собралось самое замечательное. Кричал осел, ржали кони, мычали быки, мужчины и женщины толпились вокруг Младенца, передавали Его с рук на руки, а Он смеялся, гулил и улыбался всем подряд.

– Смотрите! – восклицали люди. – Он любит нас! Всех до единого! Никогда прежде не знал мир такого Ребенка! ■

О Церкви и о музыке идет речь в этом номере. Не о музыке в Церкви, не о церковной музыке как таковой. Об этом уже писалось немало. Сегодня мы попытаемся взглянуть на эту тему шире. Ведь музыка и Церковь соприкасаются не только в традиционном хорале или в кантатах, порой их сплетение бывает весьма необычным и причудливым. Мы бросим взгляд лишь на некоторые из возможностей. Перипетии истории органа. Церковь и народная музыка. Рок-музыка в церковном зале... Мартин Лютер был убежден в том, что музыка – это непосредственный дар Божий. Любая музыка. После богословия он ставил ее на второе место. Она была для него своего рода «естественным Евангелием»... Слова, вводящие тему этого номера, взяты из стихотворения Райнера Мариа Рильке «К музыке». Музыка пытается говорить там, где наш человеческий язык оказывается бессилем. А отчетливей всего его бессилие ощущается перед лицом непроницаемой Тайны Божьей, с которой мы имеем дело в Церкви. И еще... в своем стихотворении Рильке называет музыку «чужестранкой» в этом мире. Неизбежно вспоминаешь и знаменитые библейские слова о том, что и мы, христиане, здесь – лишь «странники и пришельцы». Исток Церкви в Боге, и к Богу направляет она свой путь по дорогам этого мира. То же самое можно сказать и о музыке. Получается, что на этой долгой дороге Церковь и музыка оказываются спутницами. Обрывки их разговора на пути к небесам мы и предлагаем сегодня вам, дорогие читатели.

Um Kirche und um Musik geht es in dieser Nummer. Nicht um Musik in der Kirche, sondern um Kirchenmusik an sich. Darüber ist schon eine ganze Menge geschrieben worden. Heute werden wir versuchen, dieses Thema unter einem etwas weiteren Blickwinkel zu betrachten. Denn Musik und Kirche berühren sich ja nicht nur im traditionellen Kirchenlied und in Kantaten; bisweilen sind sie auf sehr ungewöhnliche und wunderliche Weise miteinander verflochten. Wir sehen uns einige dieser Möglichkeiten an. Irrungen und Wirrungen in der Geschichte der Orgel. Kirche und Volksmusik. Rockmusik im Kirchensaal... Martin Luther war überzeugt, Musik sei eine Gabe, die direkt von Gott komme. Jede Musik. Er stellte sie an die zweite Stelle nach der Theologie. Für ihn war sie eine Art „Naturevangelium“... Die Worte, die als Einführung in das Thema dieses Heftes dienen, stammen aus Rainer Maria Rilkes Gedicht „An die Musik“. Musik versucht dort zu reden, wo unsere menschliche Sprache sich als machtlos erweist. Und am deutlichsten spürt man ihre Machtlosigkeit vor dem undurchdringlichen Geheimnis Gottes, mit dem wir es in der Kirche zu tun haben. Und außerdem ... nennt Rilke die Musik eine „Fremde“ in dieser Welt. Hier denkt man unausweichlich an die berühmten Worte aus der Bibel, dass wir Christen hier nur „Gäste und Fremdlinge“ sind. Der Ursprung der Kirche liegt in Gott, und zu Gott hin lenkt sie ihre Schritte auf den Wegen dieser Welt. Dasselbe kann man auch von der Musik sagen. Somit sind Kirche und Musik Gefährtinnen auf diesem langen Weg. Und heute wollen wir Ihnen, liebe Leser, Gesprächsfetzen aus ihrer Unterhaltung auf diesem Wege bieten.

- «Я чувствую каждую песню»**
„Ich fühle jedes Lied...“ 15–20
- От гладиаторских боев до колхоза.**
Орган в истории Церкви 25–26
- Где искать Бога?** 27
- «Я общаюсь с Вечностью через музыку»**
„Ich habe Gemeinschaft mit der Ewigkeit durch die Musik“... 28–35

«Я чувствую *каждую* песню»

„Ich fühle *jedes* Lied...“

Однажды на праздновании Дня св. Мартина в общине свв. Анны и Петра мне в руки попал листок с детской песенкой „Ich gehe mit meiner Laterne“. Я не поверила своим глазам... там был русский стихотворный перевод текста! Не долго думая, мы опубликовали песенку вместе с переводом в Детской страничке «Вестника».

Через некоторое время в редакции раздался звонок. Звонила автор перевода, возмущенная тем, что ее имя не было указано в журнале... Так я лично познакомилась с прихожанкой Петрикирхе Натальей Краубнер – руководителем ансамбля «Лорелея» – хорошо известного как

в общине, так и в кругах интересующихся немецкой культурой. Уже много лет этот коллектив знакомит своих слушателей с песенным творчеством немецкого народа. Его жизнь тесно связана с Церковью, музыканты собираются на репетиции в русско-немецком центре при Петрикирхе, иногда принимают участие и в церковных мероприятиях. Наталья Краубнер занимается и переводом на русский немецких песен. В ее четырех сборниках есть и светские, и духовные тексты, в том числе известные рождественские песни: „O, Tannenbaum“, „Stille Nacht“ и др. Церковь для нее – это основа жизни и источник вдохновения. В беседе с нами Наталья Краубнер рассказала о своей биографии и творческом пути...

С Натальей Краубнер беседует Елена Дякива

Einmal bekam ich am Martinstag in der St. Annen- und Petrigemeinde ein Blatt Papier mit dem Kinderlied „Ich geh mit meiner Laterne“ in die Hände. Ich traute meinen Augen kaum... da stand eine russische Übersetzung des Textes in Versform! Ohne langes Bedenken veröffentlichten wir das Lied zusammen mit der Übersetzung auf der Kinderseite des „Boten“. Einige Zeit später klingelte in der Redaktion das Telefon. Die Verfasserin der Übersetzung rief an und beschwerte sich, dass ihr Name in der Zeitschrift nicht angegeben war...

So lernte ich endlich Natalja Kraubner persönlich kennen – sie ist Mitglied der Petrigemeinde und Leiterin des Ensembles „Lorelei“, wohl-sowohl in der Gemeinde als auch in den Kreisen derer, die sich für deutsche Kultur interessieren. Schon viele Jahre bringt diese Gruppe ihren Hörern das Liedgut des deutschen Volkes nahe. Ihr Leben ist eng mit der Kirche verknüpft, die Musiker versammeln sich zum Proben im russisch-deutschen Zentrum der Petrikirche und nehmen manchmal auch an kirchlichen Veranstaltungen teil. In ihren vier Liederheften findet man sowohl weltliche als auch geistliche Texte, darunter auch bekannte Weihnachtslieder wie „O Tannenbaum“, „Stille Nacht“ u.a. Die Kirche ist für sie Lebensgrundlage und Inspirationsquelle. Im Gespräch mit uns erzählte Natalja Kraubner von ihrem Lebens- und Schaffensweg...

Mit Natalja Kraubner sprach Elena Djakiwa

Наталья Краубнер
Natalja Kraubner

→ **Насколько я знаю, в колониях российских немцев был довольно высокий уровень музыкальной культуры...**

Совершенно верно. Мой дед прекрасно пел и играл на трубе. Мой дядя играл на трубе. В Стрельне был прекрасный духовой оркестр. Мой дед из-за музыки и пострадал. Когда их выслали в Хибиногорск, он работал осмотрщиком вагонов. Из ссыльных – немцев и финнов – организовали оркестр, который играл на танцах. Кто-то из музыкантов однажды рассказал неугодный властям анекдот. Рассмеяли всех...

Несмотря ни на что, вы сохранили в себе любовь к музыке?

Она была всегда. Знаете, когда человек выходит на пенсию, он начинает заниматься тем, что ему особенно дорого. Так случилось и в моей жизни. А там как раз и перестройка – можно было вспомнить о своих корнях, начать изучать немецкий язык. Одновременно здесь, при Петрикирхе, открылся немецкий центр, я сразу же пришла туда – буквально с первого дня. Начала петь в хоре. Сначала им

Как-то я сидела на концерте в церкви, и вдруг мне на ум стали приходить строчки перевода фольклорной песенки. До этого я никогда стихов не писала

руководил Святослав Лютер, а потом Андрей Охлобыстин – замечательные молодые музыканты. Мне сразу же была привита любовь к немецкой песне.

И тогда же вы пришли в общину?

В Церкви я с 1994 года. Я была крещена в свое время в Православной Церкви.

Когда открылась лютеранская церковь в Пушкине и там начали проводиться богослужения на немецком языке, моя мама – она была лютеранкой с детства – начала ходить туда. Однажды она позвала меня с собой, сказав, что ей страшно возвращаться домой одной. Так я впервые попала на богослужение. Прежде всего, мне там понравилось, что все поют! Так я начала ходить в церковь. Помню, как в 2000 году мама за две недели до смерти внезапно, сев на постели, начала читать молитву из детства на немецком языке: „Müde bin ich gehe zur Ruh/schließe meine Augen zu...“, хотя по-немецки она уже давно не говорила. Я записала первые строки, а дальше мама вспомнить не смогла. Прошло несколько лет. Однажды, открыв наобум сборник песнопений в Петрикирхе, я увидела этот текст. Я перевела его, и песня вошла в мой второй сборник как посвящение маме...

А как вы начали делать переводить?

Чисто случайно! Раньше я никогда стихов не писала. Как-то в Петрикирхе я сидела на концерте, и вдруг мне на ум стали приходить строчки перевода фольклорной песенки «Die Liebste ist hellblond, und ich bin Brünnett»: «малышка – блондинка, а я вот – брюнет/Она – как тростинка, а я, увы, нет». Достала записную книжку, записала их. Пришла домой, думаю, интересно, а дальше я могу перевести эту песню? Села и перевела все до конца. Так и пошло...

Soweit ich weiß, war das Niveau der Musikkultur in den russlanddeutschen Kolonien ziemlich hoch...

Das ist völlig richtig. Mein Großvater sang sehr gut und spielte Trompete. Mein Onkel spielte auch Trompete. In Strelna hatte es ein wunderbares Blasorchester gegeben. Mein Großvater ist wegen seiner Musik umgekommen. Als sie nach Chibinogorsk deportiert wurden, hatte er die Eisenbahnwagen zu inspizieren. Es wurde ein Orchester aus Deportierten – Deutschen und Finnen – organisiert, das bei Tänzen zu spielen hatte. Einmal erzählte ein Musiker einen Witz, der den Behörden nicht gefiel. Alle wurden erschossen...

Und Sie haben trotzdem die Liebe zur Musik bewahrt?

Die hatte ich immer. Wissen Sie, wenn man pensioniert ist, fängt man an, das zu tun, was einem besonders lieb ist. So war es auch in meinem Leben. Und da begann auch gerade die Perestroika – man konnte wieder an seine Wurzeln denken, man konnte anfangen, Deutsch zu lernen. Zugleich wurde hier in der Petrikirche das Deutsche Zentrum eröffnet, und ich kam sofort dorthin – buchstäblich vom ersten Tag an. Ich begann im Chor mitzusingen. Zuerst leitete den Chor Sviatoslav Luther und dann Andrej Ochlobystin – bemerkenswerte junge Musiker. Dadurch gewann ich deutsche Lieder sofort lieb.

Und da sind Sie dann auch in die Gemeinde gekommen?

In der Kirche bin ich seit 1994. Ich wurde seinerzeit in der orthodoxen Kirche getauft. Als die lutherische Kirche in Puschkin geöffnet wurde und dort auch Gottesdienste auf Deutsch gehalten wurden, begann meine Mutter – die von klein auf lutherisch war – dorthin zu gehen. Einmal lud sie mich auch dazu ein und sagte, sie hätte Angst, allein nach Hause zu fahren. Mir gefiel alles sehr gut, – zuallererst, wie alle sangen!

So begann ich in die Kirche zu gehen. Ich weiß noch, wie sich meine Mutter im Jahr 2000 zwei Wochen vor ihrem Tod plötzlich im Bett aufsetzte und ein deutsches Kindergebet zu beten begann: „Müde bin ich, geh zur Ruh / schließe meine Augen zu ...“. Und das, obwohl sie schon lange nicht

mehr deutsch gesprochen hatte. Ich schrieb mir die ersten beiden Zeilen auf, an den Rest konnte meine Mutter sich nicht mehr erinnern. Einige Jahre später schlug ich eines Tages das Gesangbuch in der Petrikirche aufs Geratewohl auf und erblickte diesen Text. Ich übersetzte ihn, und das Lied kam in mein zweites Liederheft als Widmung an meine Mutter ...

Und wie haben Sie angefangen, Liedtexte zu übersetzen?

Das war ganz zufällig! Vorher hatte ich nie Gedichte geschrieben. Einmal saß ich in der Petrikirche bei einem Konzert. Und auf einmal fiel mir ein, wie man den Anfang des Volksliedes „Die Liebste ist hellblond, und ich bin brünett“ übersetzen könnte: «малышка – блондинка, а я вот – брюнет/Она – как тростинка, а я, увы, нет». Ich holte mein Notizbuch heraus und schrieb mir das auf. Zu Hause dachte ich mir dann: Ob ich das Lied wohl auch weiter übersetzen kann? Ich setzte mich hin und übersetzte es bis zum Ende. Und damit war es ins Rollen gekommen ...

Alles begann also in der Kirche ...

Ja, mit ihr ist vieles in meinem Schaffen verbunden. Zuerst arbeitete ich ausschließlich mit weltlichen Liedern. Aber nach der Übersetzung von „Müde bin ich, geh zur Ruh“ bekam ich Lust, noch etwas Geistliches zu übersetzen. Seitdem arbeite ich auch mit geistlichen Texten – aus dem Kirchengesangbuch und anderen Quellen.

Ihr Repertoire ist sehr vielfältig: sowohl deutsche Volksmusik als auch geistliche Lieder, und Sie haben sogar ein Lied der Gruppe „Dschinghis Khan“!

Ja, von „Dschinghis Khan“ habe ich „Israel, Israel“. Und von „Rammstein“ können Sie auch etwas bei meinen Liedern finden! Ungefähr neunzig Prozent der Lieder dieser Gruppe sind nicht für mich geeignet. Aber als mein Enkel sich vor ungefähr fünf Jahren für „Rammstein“ interessierte, bat er mich immer wieder „Hör dir das doch auch mal an, bitte!“ Ich hörte es mir an und stieß auf das Lied „Ohne dich“. Da funkte es, und ich übersetzte das Lied.

Ich weiß, dass Sie auch schon Klassiker übersetzt haben. Zum Beispiel Goethes „Sah ein Knab ein Röslein stehn ...“ Das übrigens auch von Lermontov übersetzt wurde ... Haben Sie keine Angst, mit Klassikern zu konkurrieren?

Nein! Ich lese die andere Übersetzung vorher nicht. Ich habe auch das Lied „Lili Marleen“ übersetzt. Und dann stellte sich heraus, dass es dazu eine Übersetzung von Brodskij gibt! Aber davon hatte ich keine Ahnung!

Участницы ансамбля «Лорелея»
Teilnehmerinnen des Ensembles "Lorelei"

Einmal saß ich bei einem Konzer in der Kirche. Und auf einmal fiel mir ein, wie man den Anfang eines Volksliedes übersetzen könnte. Vorher hatte ich nie Gedichte geschrieben

→ То есть все началось в церкви...

Да, с ней в моем творчестве многое связано. Сначала я занималась исключительно светскими песнями. Но после перевода „Müde gehe ich zur Ruh“ мне захотелось перевести еще что-нибудь духовное. С тех пор я работаю с духовными текстами – из церковного сборника песнопений и других источников.

Ваш репертуар очень разнообразен: это и немецкий фольклор, и духовные песни, и даже есть одна песня из репертуара группы «Чингисхан»!

Да, есть из «Чингисхана»: „Israel, Israel“. И даже – из репертуара группы „Rammstein“! Знаете, процентов девяносто их песен мне не подходит. Но когда мой внук лет пять назад интересовался „Rammstein“, он все время просил меня: «послушай, ну, послушай». Я послушала и услышала песню «Ohne dich». Меня она зацепила, и я ее перевела.

Я знаю, что у вас есть переводы, в том числе, и классиков. Возьмем „Sah ein Knab, ein Röslein steht...“ Гёте. Которое, кстати, перевел Лермонтов... Вам не страшно соревноваться с классиками?

Не страшно! Я не читаю заранее другие переводы. Например, у меня есть перевод песни «Лили Марлен». Оказывается, ее переводил Бродский! Но я понятия об этом не имела! Если мы посмотрим его перевод – чем я всегда восхищаюсь у Бродского – там великолепная рифма.

Он выстраивает идеально по форме. Но он перевел по содержанию первый куплет и последний – их там пять или шесть. А в середине вставил то, чего там совсем не было. Но если вы заглянете в Википедию, то она мой перевод ставит на первое место. Эта песня по сей день актуальна, она многим близка, потому что эта тема женщины, которая любит и ждет. И солдат – не важно какой армии, ему эта война не нужна! – он ждет свидания с любимой женщиной...

Die Liebste ist hellblond, ("Малышка - блондинка").
Перевод Натальи Краубнер. Опубликовано в сборнике "Любимые немецкие песни", 2004 г.

Die Liebste ist hellblond

Die Liebste ist hellblond
Und ich bin brünet,
Sie wird immer schlanker,
Und ich werde fett.

Hallo, juch-he, tra-la-la-la-la,
Sie wird immer schlanker,
Und ich werde fett.

Sie nascht beim Konditor,
Und ich trink ein Bier
Ich schiebe gern Kegel,
Und sie spielt Klavier.

Hallo, juch-he, tra-la-la-la-la,
Ich schiebe gern Kegel,
Und sie spielt Klavier.

Ich mache gern Verse,
Und sie malt in Öll
Sie ist oft elegisch
Und ich bin fidel

Hallo, juch-he, tra-la-la-la-la,
Sie ist oft elegisch
Und ich bin fidel

Wir sind ganz verschieden
In Sitte und Brauch,
Sie gleich mir nur darin -
Kein Geld hat sie auch.

Hallo, juch-he, tra-la-la-la-la,
Sie gleich mir nur darin -
Kein Geld hat sie auch.

Малышка - блондинка

Малышка - блондинка,
А я, вот, брюнет.
Она, как тростинка,
А я, увы, нет

Хелло, юхе, тра-ля-ля-ля-ля,
Она, как тростинка,
А я, увы, нет.

Она ест конфеты,
А я пиво пью,
Долбит она гаммы,
Баклуши я бью.

Хелло, юхе, тра-ля-ля-ля-ля
Грустит она часто,
Баклуши я бью.

Картины рисует,
Стихи я пишу,
Грустит она часто,
А я всех смешу.

Хелло, юхе, тра-ля-ля-ля-ля,
Грустит она часто,
А я всех смешу.

Мы так непохожи.
Об этом рассказ.
А чем мы похожи?
Нет денег у нас!

Хелло, юхе, тра-ля-ля-ля-ля,
А чем мы похожи?
Нет денег у нас!

А когда появился ваш ансамбль?

Датой его рождения мы считаем 2003 год – год 300-летия Петербурга. Тогда мы впервые выступили в Манеже. Уже тогда мы исполнили немецкие песни с русскими текстами. Этим отличается ансамбль «Лорелея» от всех прочих немецких ансамблей. Раз мы живем в России, мы должны выступать не только для узкого круга лиц – не только для российских немцев. Мы должны быть понятны российской аудитории. Таким образом, мы популяризируем немецкую культуру, делаем ее доступной, понятной. Ведь для российской публики немецкая песенная культура находится за семью печатями.

А почему у вас «в джазе только девушки»?

Так уж сложилось. Женщины обычно активнее. У нас замечательные музыканты. Коллектив самостоятельный, но те профессионалы, которые присоединились к нам, от нас не уходят, – значит, им интересно. У нас есть профессиональная певица Наталья Шмидт. Она закончила консерваторию по классу вокала. Но здесь играют роль и немецкие корни, и заинтересованность немецкой культурой. Наш аккомпаниатор Татьяна Смирнова – педагог по аккордеону. Скрипачка – также педагог музыкальной школы.

Получается, вы сами музыкант непрофессиональный, но руководите ансамблем, где есть профессионалы. То есть, любовь к музыке способна преодолевать определенные ограничения...

Главное здесь – это умение объединить людей, расставить акценты. Я чувствую каждую песню, пропускаю ее через себя, знаю, какой она должна быть. У меня есть видение. Хотя, безусловно, помощь профессионалов неоценима.

Я знаю, что вы вели одно время музыкальные занятия в детском кризисном центре при диаконической станции общины свв. Анны и Петра...

Да, я занималась этим в течение 2-3 лет. Когда я начала работать с детьми, то мне стало не хватать репертуара. Тогда

Мой внук интересовался „Rammstein“ и все время просил меня: «послушай, ну, послушай». Я услышала песню «Ohne dich» и перевела ее

Wenn man sich seine Übersetzung ansieht, dann hat sie – was ich bei Brodskij schon immer bewundert habe – perfekte Reime. Er baut alles in idealer Form auf. Aber inhaltlich hat er die erste und die letzte Strophe übersetzt – von fünf oder sechs. In der Mitte hat er etwas eingeschoben, was im Original gar nicht vorhanden war. Aber wenn man in die Wikipedia guckt, dann steht dort meine Übersetzung an erster Stelle. Dieses Lied ist bis heute aktuell, es geht vielen nahe, weil es das Thema einer Frau behandelt, die liebt und wartet. Und der Soldat – egal in welcher Armee – wartet auf das Wiedersehen mit seiner Geliebten, das ist es, was ihn beschäftigt!

Wann ist Ihr Ensemble entstanden?

Als sein Geburtsjahr betrachten wir 2003, das Jahr, in dem St. Petersburg 300 Jahre alt wurde. Damals sind wir zum ersten Mal in der Manege mit einem deutschen Programm aufgetreten. Und wir haben damals schon deutsche Lieder mit russischen Texten gespielt. Darin unterscheidet sich das Ensemble „Lorelei“ von allen anderen deutschen Ensembles. Da wir nun einmal in Russland leben, dürfen wir nicht nur für den engen Kreis der Russlanddeutschen spielen. Wir müssen auch für russische Zuhörer verständlich sein. So popularisieren wir die deutsche Kultur und machen sie greifbar und verständlich. Denn für die russische Öffentlichkeit ist die deutsche Liederkultur ein Buch mit sieben Siegeln.

Es sieht aus, dass Sie eine reine „Mädchengruppe“ sind...

Ja, schon. Aber das hat sich halt so ergeben. Frauen sind normalerweise aktiver. Wir haben wunderbare

Mein Enkel interessierte sich für „Rammstein“ und bat mich immer wieder „Hör dir das doch auch mal an, bitte!“. Ich stieß auf das Lied „Ohne dich“ übersetzte es

Dann sind Sie also selbst keine Berufsmusikerin, leiten aber ein Ensemble, in dem es Professionelle gibt. Die Liebe zur Musik kann also wohl gewisse Beschränkungen überwinden ...

Hier ist das Wichtigste die Fähigkeit, Menschen zu einen und Akzente zu setzen. Ich fühle jedes Lied, nehme es in mich auf, weiß, wie es zu sein hat. Ich habe eine Sicht davon. Das alles ist mir so nahe und verwandt. Obwohl die Hilfe von Professionellen natürlich von unschätzbarem Wert ist.

Ich weiß, dass Sie eine Zeitlang Musikstunden im Kinderkrisenzentrum der Diakonie der St. Annen- und Petrigemeinde gegeben haben ...

Ja, das habe ich 2-3 Jahre lang gemacht. Als ich anfang, mit den Kindern zu arbeiten, stellte ich fest, dass mein Repertoire zu klein war. Da machte ich mich an die Übersetzung von Kinderliedern. In meinem nächsten

Musikerinnen. Wir sind eine Liebhabergruppe, aber die Berufsmusikerinnen, die sich zu uns gesellt haben, bleiben da – also ist es nicht zu langweilig für sie. Wir haben eine Berufssängerin: Natalja Schmidt. Sie hat das Konservatorium mit dem Spezialgebiet Gesang abgeschlossen. Aber hier spielt auch die deutsche Abstammung und das Interesse an der deutschen Kultur eine Rolle. Unsere Akkompagnistin Tatjana Smirnova ist Akkordeonlehrerin. Auch die Violinistin ist Musikschullehrerin.

Сайт Натальи Краубнер:
adiga.dnsalias.net/kraubner/

Webseite von Natalja Kraubner:
adiga.dnsalias.net/kraubner/

Ансамбль «Лорелея»
Ensemble "Lorelei"

Liederheft wurden schon 30 Kinderlieder veröffentlicht. Bei den Musikstunden wetteiferten die Kinder darin, ihre „Anträge“ zu stellen. Zum Martinstag übten wir „Ich geh mit meiner Laterne“ ein. Besonders beliebt waren die Lieder „Grün, grün, grün sind alle meine Kleider“ und „Es war eine Mutter, die hatte vier Kinder“. Ich bemerkte, dass Kinder nicht nur lustige, sondern auch traurige Lieder gern haben. Oft baten sie mich am Ende der Stunde, zusammen

→ я взялась за перевод детских песен. В моем следующем сборнике уже было опубликовано 30 детских песенок. На занятиях дети наперебой делали свои «заявки». Ко дню св. Мартина мы разучивали „Ich gehe mit meiner Laterne“. Особой популярностью пользовались песни „Grün, grün, grün sind alle meine Kleider“, „Es war eine Mutter, die hatte vier Kinder“. Я заметила, что дети любят не только веселые песни, но и грустные. Дети часто просили спеть в конце занятия «Ums Haus geht schon der Abend hin», она как раз религиозного содержания, там есть слова о Боге.

В каких еще мероприятиях в Церкви вы принимаете участие?

В 2009 году я участвовала в женском семинаре Северо-Западного пробства и занималась там музыкальным сопровождением. Также я пою в хоре общины. Перед поездкой на Кирхентаг в Бремен в 2009 году я перевела известную песню „Die güldene Sonne“. Каково же было мое удивление, когда приехав туда, я увидела, что она была одной из главных песен мероприятия.

Часто ли у вас гастрологи?

Мы не отказываем никому из тех, кто нас приглашает. Среди запоминающихся поездок было участие в Международном фестивале фольклорных песен в Нарве, где мы завоевали первое место. А наша Наталья Шмидт – первое место среди солистов. Это было очень почетно, ведь в конкурсе участвовали не только представители СНГ, но и гости из Прибалтики, Польши и Чехии. Уже два года подряд ездим выступать в немецкое общество г. Котки (Финляндия), также нас приглашает немецкое общество г. Гатчины (Ленинградская обл.).

Чего бы вам хотелось достичь в будущем?

Хочется просто иметь возможность заниматься творчеством, знакомить слушателей с немецкой культурой, поддерживать ее. Хотя мы и российские граждане, мы не должны без остатка растворяться в своем окружении ... Знаете, я не так давно была в Переделкино на семинаре по литературе. Там я поняла, что есть, куда расти; поняла, как улучшить качество перевода в техническом плане. Я ведь раньше никогда этому специально не училась... Многие мы узнали об особенностях немецкой литературы. Оказывается, специалист способен по тексту распознать, что его автор российский немец!

А из ближайших планов... Этот год будет идти под знаком семидесятилетия депортации. Хочу своим творчеством показать, как жили российские немцы до депортации, как им было хорошо...

А вообще, мы открыты для предложений! ■

Wir popularisieren die deutsche Liederkultur. Denn für die russische Öffentlichkeit ist sie „ein Buch mit sieben Siegeln“

„Ums Haus geht schon der Abend hin“ zu singen; das hat übrigens nun gerade religiösen Inhalt, da kommt Gott vor.

Und an was für kirchlichen Veranstaltungen nehmen Sie sonst noch teil?

Im Jahr 2009 machte ich ein Frauenseminar der Nordwestpropstei mit und sorgte dort für die musikalische Begleitung. Vor der Fahrt zum Kirchentag 2009 nach Bremen übersetzte ich das bekannte Lied „Die güldne Sonne“. Wie groß war meine Verwunderung, als ich, dort angekommen, feststellte, dass dies Lied eines der Wichtigsten auf der ganzen Veranstaltung war!

Geben Sie mit dem Ensemble häufig Gastspiele?

Wenn wir eingeladen werden, sagen wir nicht nein.

Eine Fahrt, die uns besonders in Erinnerung geblieben ist, war die Teilnahme an einem internationalen Folklore-Festival in Narva, bei dem wir den ersten Platz errangen – und unsere Natalja Schmidt den ersten Platz unter den Solisten. Das war eine große Ehre, denn an diesem Wettbewerb nahmen nicht nur Vertreter der GUS teil, sondern auch Gäste aus dem Baltikum, aus Polen und aus Tschechien.

Schon zwei Jahre hintereinander besuchen wir die Deutsche Gesellschaft der Stadt Kotki (Finnland), und auch die Deutsche Gesellschaft der Stadt Gatčina (Leningrader Gebiet) lädt uns ein.

Was würden Sie in der Zukunft gerne erreichen?

Ich würde gern auch weiterhin einfach die Möglichkeit haben, schöpferisch tätig zu sein, die deutsche Kultur zu unterstützen und sie den Zuhörern nahe zu bringen. Auch als russische Staatsbürger dürfen wir nicht völlig in der russischen Gesellschaft aufgehen ... Wissen Sie, ich war vor kurzem in Peredelkino auf einem Literaturseminar. Dort habe ich begriffen, dass es erstrebenswerte Wachstumsmöglichkeiten für mich gibt und wie ich die Qualität meiner Übersetzungen technisch verbessern kann. Vorher hatte ich ja nie extra so etwas gelernt ... Wir haben dort viel über die Besonderheiten der deutschen Literatur erfahren. Offenbar können Fachleute anhand eines Textes erkennen, ob sein Autor Russlanddeutscher ist!

Was die Pläne für die nähere Zukunft angeht ... Dieses Jahr wird unter dem Zeichen der Deportation stehen. Ich möchte mit meinem Schaffen zeigen, wie die Russlanddeutschen vor der Deportation gelebt haben, wie gut es ihnen ging ...

Und für neue Anregungen sind wir immer offen! ■

Мы популяризируем немецкую песенную культуру. Ведь для российской публики она находится «за семью печатями»

Овца

Владимир Набоков

Над Вифлеемом ночь застыла.
Я блудную овцу искал.
В пещеру заглянул – и было
виденье между черных скал.

Иосиф, плотник бородатый,
сжимал, как смуглые тиски,
ладони, знавшие когда-то
плоть необструганной доски.

Мария слабая на чадо
улыбку устремляла вниз,
вся умиление, вся прохлада
линялых синеватых риз.

А Он, Младенец светлоокий
в венце из золотистых стрел,
не видя матери, в потоки
своих небес уже смотрел.

И рядом, в темноте счастливой,
по белизне и бубенцу
я вдруг узнал, пастух ревнивый,
свою пропавшую овцу.

Зимняя молитва

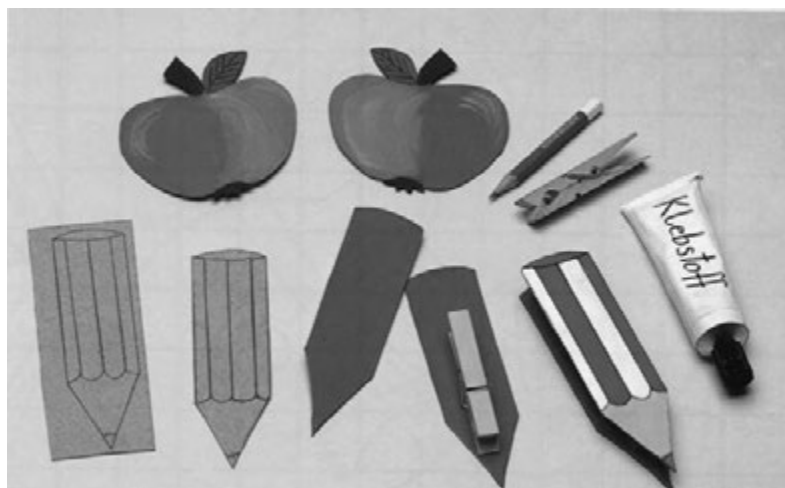
Боже, я благодарю тебя за моих замечательных
родителей, за моих сестер и братьев!
Помоги нам этой зимой чаще бывать рядом друг
с другом, вместе радоваться чистому снегу,
морозу на улице и домашнему теплу
и с не меньшей радостью предвкушать
наступление весны.

Аминь

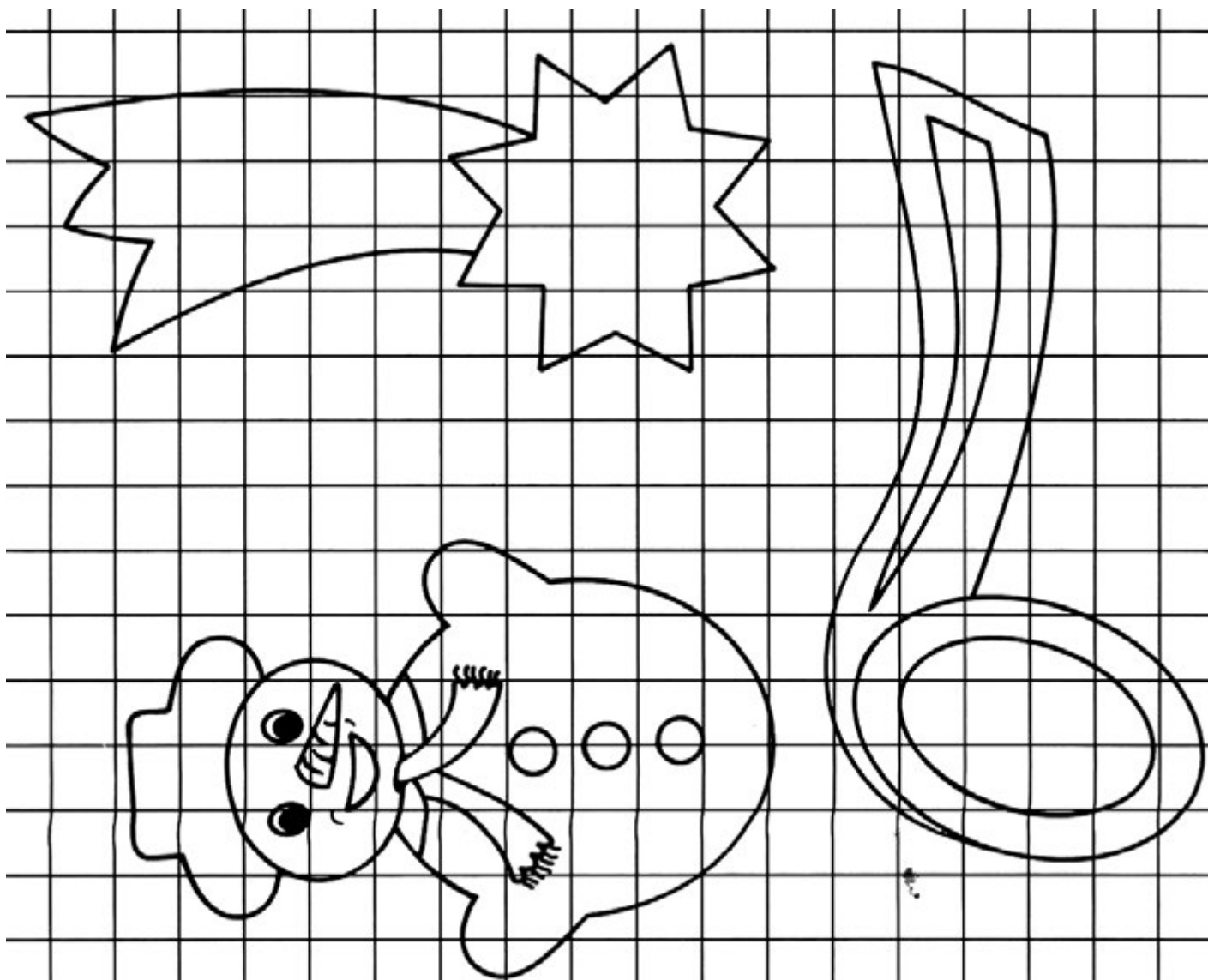
Декоративные прищепки

Зимой, когда вечера длинные и темные, можно заняться изготовлением поделок.

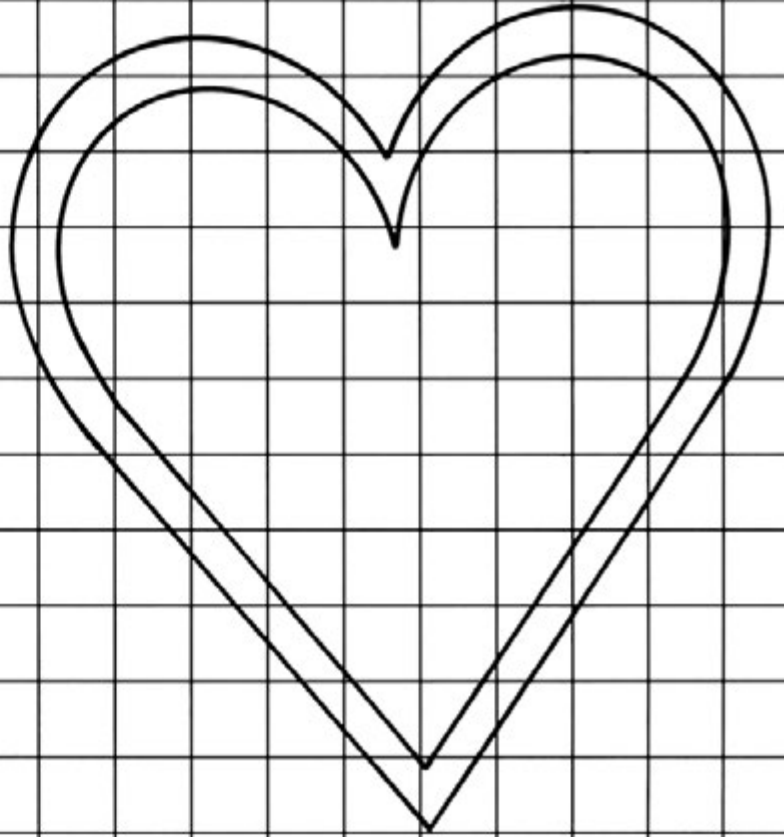
Наверняка, тебе иногда приходится писать записки, чтобы не забыть сделать что-нибудь. Мы предлагаем смастерить тебе красивые прищепки, в которые ты сможешь вставлять листочки с напоминаниями или другие приятные мелочи, например, поздравительные открытки, календарики или визитные карточки.

Их совсем не сложно сделать из простого материала. Тебе понадобится: толстый картон, деревянные бельевые прищепки, карандаш, ножницы, гуашь, кисточка, клей.

Вырежи из картона по трафарету фигурки (каждую в двух экземплярах). Раскрась их гуашью с внешней стороны. Затем приклей каждую из двух одинаковых деталей к прищепке с с противоположных сторон.

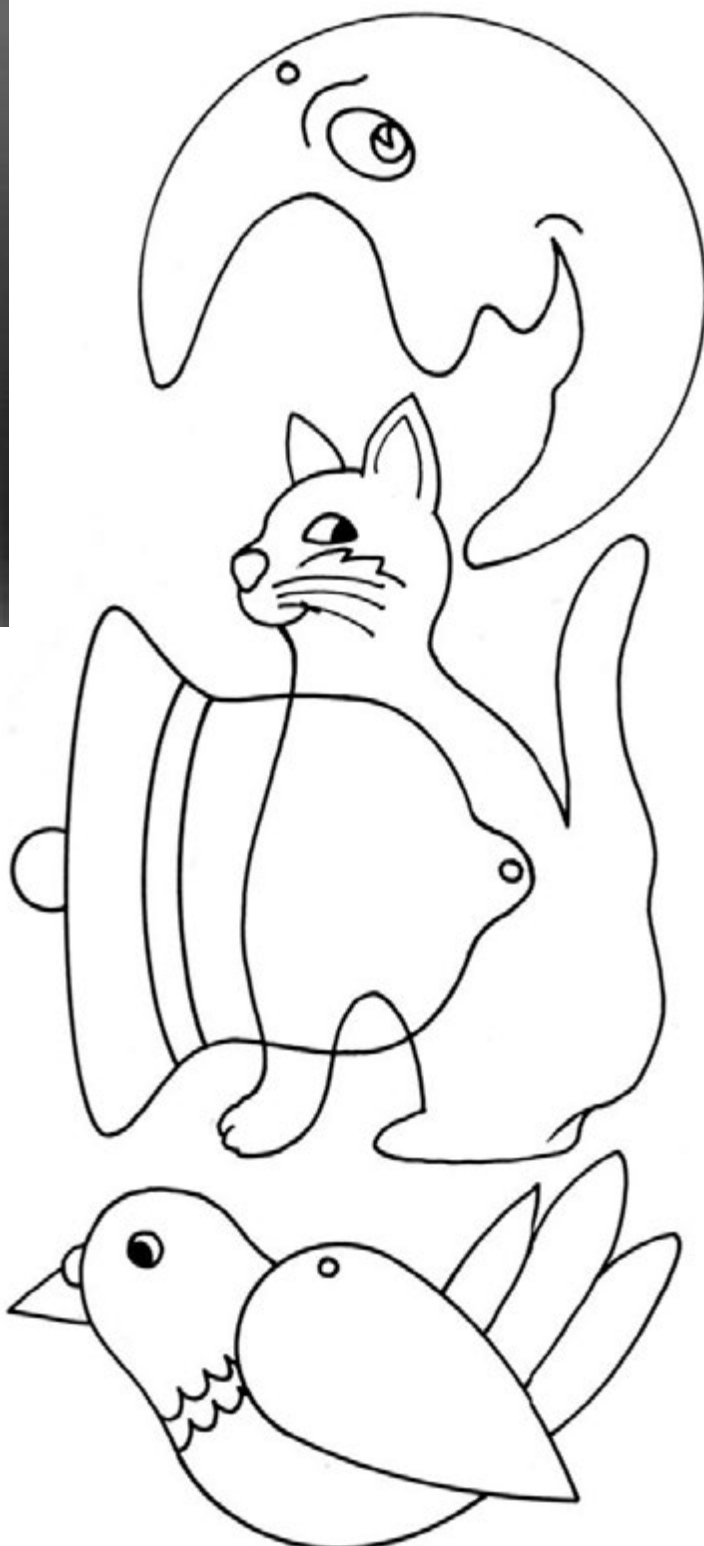

Игрушки на елку

Сделать елочные игрушки своими руками совсем просто! Для этого нужна твердая фольга, ножницы и нитки, шариковая ручка, в которой закончилась паста.

Перенеси образцы фигур, изображенные здесь, на бумагу. Лист с рисунками положи на фольгу и обведи все контуры шариковой ручкой, чтобы линии хорошо отпечатались на фольге. Теперь вырежи фигурки из фольги, сделай отверстие в каждой и вставь в него нить для того, чтобы повесить на ветку.

Ты можешь придумать и свои фигурки!

ОТ ГЛАДИАТОРСКИХ БОЕВ ДО КОЛХОЗА

Орган в истории Церкви

Елена Дякина

Когда-то во многих семьях были пластинки, на обложке которых стояло: «Орган Домского собора». Так благодаря этому инструменту главный собор Риги стал известен на всем пространстве Советского Союза, хотя ходить в церковь вообще-то было «не принято»... Сегодня для большинства из нас орган неотделим от церкви. Но всегда ли это было так? Давайте заглянем в его историю...

Статьи практически в любой энциклопедии прежде всего сообщают нам, что прообразом органа является волынка и флейта пана. А вот его далекий предок «гидравлос» – водяной орган, изобретенный мастером Ктесибием из Александрии во 2 или 3 веке до н.э. – был «частым гостем» на античных ипподромах, в цирках и на языческих мистериях. Звук гидравлоса был очень мощным, а давление воздуха в трубах поддерживалось столбом воды. В первые века нашей эры водяной насос заменили воздушными мехами. Это позволило увеличить размеры труб и их количество. Инструмент был распространен в Византии и играл важную роль на императорских церемониях. Письменные источники сообщают нам, что в VIII и IX веках послы византийского императора, приезжая в Европу, привозили в подарок орган...

До сего дня загадкой в истории музыки является, почему и как в период средневековья орган становится исключительно церковным инструментом. В ранней Церкви орган не использовался из-за своего «темного прошлого», связанного с кровавыми аренами, где гибли и христиане. Однако в IX веке орган начинает постепенно проникать в церкви. Сложно сказать, стал ли он сразу использоваться непосредственно в литургии. Из сохранившегося описания освящения бенедиктинского аббатства в Багесе (Испания) становится ясно, что орган играл у входа, «прославляя и благословляя Господа». А Папа Римский Иоанн VIII (872–82) писал о необходимости использования органа «в целях преподавания музыкальной науки». Что касается официального введения органа в литургическую практику, то, скорее всего, специальных документов по этому поводу никогда не издавалось. Хотя есть легенда о том, что это сделал папа Виталиан в VII веке.

Так или иначе с IX по XIII век органы появляются по всей Западной Европе и становятся главными музыкальными инструментами в Церкви.

Каждая эпоха была новым этапом в развитии инструмента. Возникает разделение на регистры, разновидностей которых со временем становится все больше, мануалы (клавиатуры), клавиатура для педалей. Во времена позднего Ренессанса зарождаются региональные различия в строительстве органов. Своего расцвета искусство органостроения достигает в эпоху барокко...

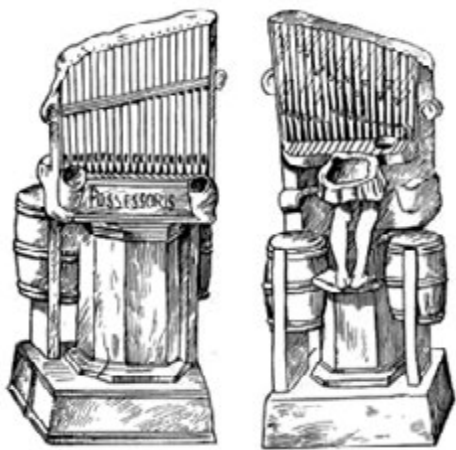
Со времени эпохи барокко важнейшими формами органной музыки являются прелюдия, токката, фантазия, чакона, пассакалия, ричеркар, fuga, вариация, соната, органная симфония. В традиции западной Церкви вход и выход священнослужителей сопровождала импровизация, она же служила вступлением к пению. В начале XVIII века распространяется органное сопровождение пения общины.

Органная церковная музыка связана, прежде всего, с хоралом. Для того чтобы подготовить общину к пению и украсить его, появляются разновидности хоральных обработок. Так *хоральная прелюдия* является длительным вступлением к хоралу. В *органном хорале* вся мелодия песнопения звучит один раз без перерыва. В *хоральной фантазии* отдельные части хорала варьируются в различных техниках. А *хоральная fuga*, в основном, использует в качестве темы только первую строку хорала. Развитие хоральной обработки начинается в XV веке

Покровительницу церковной музыки св. Цецилию часто изображают с органом

Гидравлос – первый водяной орган

Схематическое упрощенное устройство органа

в Италии и Германии. Своего расцвета оно достигает в XVII веке в протестантской Германии и связано с именами таких композиторов, как Самюэль Шейдт, Иоганн Пахельбель, Генрих Шайдеманн, Дитрих Букстехуде, Иоганн Себастьян Бах.

В истории взаимоотношений органа и Церкви были и трагические моменты. Достаточно вспомнить времена диктатуры Оливера Кромвеля в XVII веке, когда органы в церквях Англии уничтожались и были запрещены до 1660 года. Так пуританин Кромвель пытался ликвидировать любую связь с католичеством и высокой Церковью. Другая похожая страница в органной истории была написана несколько веков спустя в нашей стране...

Благодаря связям с Византией в Киевской Руси орган был известен еще в XI веке. Изображение органа есть на фресках Софийского собора в Киеве, а также на новгородских и московских книжных миниатюрах XVI века. В 90-х годах XVII века в Немецкой слободе появляются органы в «иноверческих» церквях. До этого времени орган был на Руси исключительно светским инструментом. При царском дворе «органными потехами» ведали мастера Т. Михайлов, М. Степанов, Б. Овсонов.

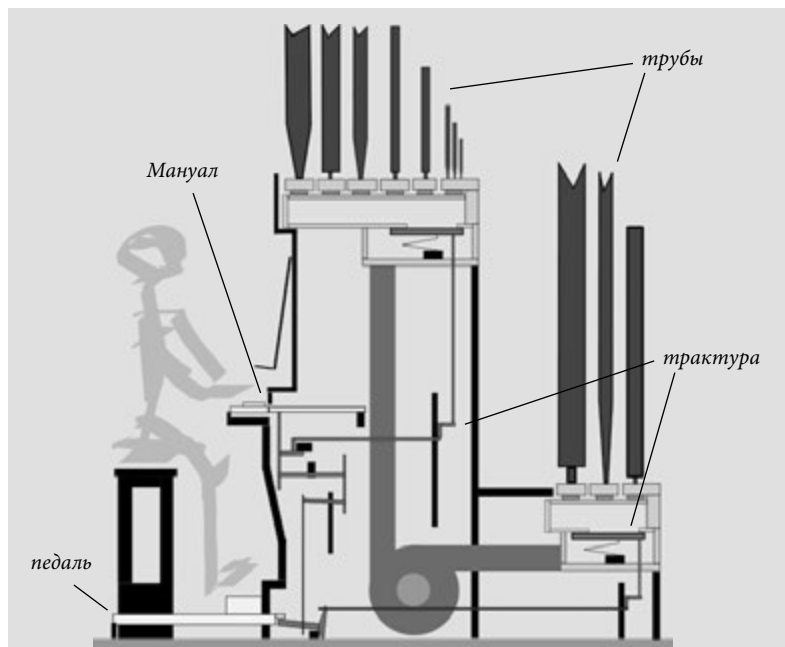
Приглашались органисты из Польши, Нидерландов и других стран. Польский мастер С. Гутовский со своими учениками изготавливал органы, которые устанавливались в Московском Кремле, домах бояр, посылались в качестве подарков за границу.

Со строительством лютеранских и католических церквей в Российской империи появляется все больше церковных органов. В середине XIX столетия в России существовало уже 2000 «иноверческих» церквей, во многих из которых был орган. Помимо Москвы и Петербурга органы фирм «Ригер», «Зауэр», «Штайнмайер» и «Валькер» были изготовлены для церквей Архангельска и Баку, Киева и Одессы, Самары, Саратова, Тбилиси и других городов. Только для церквей в колониях российских немцев в период до 1917 года из Германии и Австрии в Россию было доставлено всего 97 органов.

Знаменитая фирма E. F. Walcker была основана в 1820 году в Людвигсбурге. Первый из органов, изготовленных и доставленных ею в Россию до революции, был предназначен для собора свв. Петра и Павла в Санкт-Петербурге. У этого инструмента было три мануала, 65 регистров и 3780 труб, самая большая из которых – высотой десять метров. В 1833 году фирма «Валькер» построила орган для Рижского собора. В то время он являлся самым большим и красивым органом в мире. У него было четыре мануала, 116 регистров и 6768 труб. На его освящение Ференц Лист специально написал органную обработку хорала „Nun danket alle Gott“.

...После революции 1917 года многие ценные инструменты были разрушены, большая часть органов пришла в жалкое состояние. Печальная участь постигла орган кафедрального собора свв. Петра и Павла в Петербурге: в 1939 году инструмент Валькера перевезли в Москву, в концертный зал им. Чайковского. Через двадцать лет его разобрали, а некоторые трубы использовали при сооружении органа в зале Донецкой филармонии. Но это лишь один из примеров. Беда не миновала и множество его «братьев» на территории бывшей Российской империи. «Шел 1937 год... В церкви я увидел, как трубы церковного органа демонтировали, чтобы использовать их в колхозе для хозяйственных нужд, – вспоминает сын учителя в одной из немецких колоний на Украине, – Дети отвинчивали внутри органа детали и покупали на них что-нибудь в сельской лавке. Продавец в свою очередь также сбывал этот металлолом за бесценок. Церковь сначала использовали как склад, а потом – как зал для танцев»...

Сегодня послушать орган снова приходят не только в филармонию, но и в церковь. В одном только Петербурге практически каждая церковь, в которой есть орган, регулярно приглашает слушателей на концерты. Органная культура в церкви на территории бывшего СССР переживает возрождение, – пусть уже с другими инструментами. Сумеет ли мы научиться слушать эту музыку? Сумеет ли уберечь это наследие? ■

Основные части органа: трубы; воздухонагнетательный механизм – мехи и деревянные воздухопроводы; аппарат управления – кафедра (Spieltisch), где размещается органист и находятся клавиатуры для рук – мануалы и клавиатура для ног – педаль.

Справа и слева от органиста расположены регистровые рукоятки, кнопки, рычаги и другие вспомогательные приспособления; от клавиатур к трубам протягивается система передачи – трактура, обеспечивающая доступ воздушной струи от воздухонагревательной системы к звуковоспроизводящим устройствам. До середины 19 века воздух нагнетался в мехи насосами вручную. В современном органе для этой цели используется энергия электромотора. Группа труб одного тембра, охватывающая весь звуковысотный диапазон органа или его часть, называется регистром. Типы органов многообразны: от переносных, небольших (портатив, позитив) до гигантских инструментов, имеющих свыше 30 тыс. труб.

Где искать Бога?

Елена Дякина

«Если Церковь хочет быть замкнутой, пусть продолжает петь древние хоралы с бабушками!», – в столь категоричной форме пытался объяснить мне один из представителей активной церковной молодежи, для чего нужен «христианский рок».

Несмотря на богатую вековую традицию церковной музыки, сегодня многие молодые люди находят «исполнение хоралов под орган» признаком консерватизма. «Церковь должна говорить на современном языке, для того чтобы быть понятной людям», – считают они. Поэтому альбомы групп, играющих христианский рок, сегодня не редкость в их фонотеках, а концерты таких коллективов собирают полные залы. Все большую привлекательность в среде протестантской молодежи приобретает опыт западноевропейских Церквей, где проводятся специальные молодежные богослужения с рок-музыкой.

Рок-группы с христианской тематикой стали появляться на западе в конце 1960-х годов. На территории бывшего СССР они возникают в начале 1990-х. Истории их создания похожи. Поворотным пунктом в жизни одного или нескольких музыкантов, уже игравших до этого в ВИА или рок-группах, становится обращение к вере и христианским ценностям и как следствие желание посвятить свое творчество христианской тематике. «Всякое творчество приводит человека к взгляду в собственное сердце, – пишет на своем сайте группа из Минска „Новый Иерусалим“, – приводит к поиску истины и смысла жизни».

Как правило, такие коллективы состоят из прихожан евангельских Церквей. А иногда даже носят имя своей Церкви. Сегодня на христианской рок-сцене в СНГ можно выделить несколько наиболее популярных групп и имен: «Краугольный камень», «Новый Иерусалим», «Масада», «Кво вадис», «Хиллсонг», «Дружки», Рома Иванько, Геша Ушивец и др. Они не знакомы широкой публике, в эфире их можно услышать разве что на двух-трех радиостанциях, таких как радио «Теос» или «Трансмировое радио». В подростковом возрасте мы любили задавать вопрос друг другу: «Что ты слушаешь?», для того чтобы определить, «свой» это человек или «не совсем». Возможно, подобное происходит и среди аудитории слушателей таких групп – по музыкальным вкусам определяют «своих». «Все мои друзья-христиане, которые знают Бога, слушают именно христианские группы!», – рассказывает один из поклонников этого направления. Поклонники христианского рока собираются послушать любимую музыку

в концертных залах и в церквях. Как правило, исполнение композиций на таких концертах чередуется с рассказом о личном духовном опыте, что делает подобные выступления особенно привлекательными. Для слушателей – преимущественно молодежи из протестантских Церквей – такие концерты это еще одна возможность общения друг с другом.

В репертуар коллективов и исполнителей входят песни собственного сочинения на русском и английском языках; есть композиции, написанные на тексты псалмов, а также песни из еврейской традиции. Незамысловатые тексты призывают слушателя посвятить жизнь Богу («Ты выпусти свежим ветром дыхание Бога и в небо смотри,/ Где звезда Его светит в слепые подвалы души»), учат добру и милосердию («Давай, звучать аккордами,/ Пусть музыку любви услышит этот мир»), но также могут быть посвящены и любви к женщине («У любви лишь твоя улыбка,/ У моей любви нежность рук твоих»). Сегодня в Рунете есть ряд порталов, где собрана информация о различных группах и исполнителях, поющих в стиле христианский рок. Вот лишь некоторые из них: <http://jesus-music.org>, <http://www.christrock.ru>, <http://dvasongs.com>.

«Подростку так проще почувствовать Бога. Кто-то найдет Его в 199-м хорале, а кому-то ближе рок», – так считает один из студентов Теологической семинарии. Что ж, каждому решать самому – где искать Бога... ■

На концерте группы «Новый Иерусалим»
Фото www.novij.com

«Я общаюсь с Вечностью через музыку»

Группа «Орион» – музыкальный коллектив, впитавший в себя дух нескольких эпох и музыкальных стилей. Любовь к року и классической музыке, объединяющая музыкантов, вылилась в интересный музыкальный проект, в котором царит атмосфера современного барокко. Музыка Ориона – это сплетение традиций рока и классической европейской музыки. Слушатели, критики и музыканты в разное время характеризовали стиль группы и как art-rock, и как progressive rock, и как sympho rock / sympho metal... Сами музыканты группы называют свой стиль «neoclassic rock»

14 июня в лютеранской церкви св. Екатерины (Санкт-Петербург) прошел концерт этой группы, сопровождавшийся проповедью и духовными обращениями пастора к собравшимся. Это стало уникальным опытом, как для общины, так и для музыкантов, – а также... поводом для серьезного разговора.

С композитором и вокалистом группы Дмитрием Лобовым беседует Антон Тихомиров.

Фото: Дарья Котюх/Фото: Darja Kotjuch

Ваши песни касаются духовных вопросов. Нередко в них звучат слова «Бог», «молитва», упоминаются библейские события... Внешне это очень напоминает так называемый «христианский рок»...

Да есть такое направление, «христианский рок». И оно имеет даже относительно широкое распространение среди сект христианского толка и отдельных традиционных конфессий. Но вся штука в том, что мы как раз к этому стилю отношения не имеем.

Поясню причину моего вопроса: христианский рок – это, на мой взгляд, либо весьма примитивная музыка, либо никакой не рок, а чистая попса со всеми вытекающими последствиями (так называемые «группы прославления» у баптистов, пятидесятников и т.п.). В любом случае такие песни крайне заидеологизированны, примитивны и потому просто неинтересны.

По поводу христианского рока полностью согласен. Когда у музыки нет подлинной причины быть, то это действительно поп. Такая музыка просто является инструментом. В одном случае – для

Здесь и далее: Во время концерта в церкви св. Екатерины
Hier und im Folgendem: Während des Konzertes in der St. Katharinenkirche

„Ich habe Gemeinschaft mit der Ewigkeit durch die Musik“ ...

Die Band „Orion“ ist eine Musikgruppe, die den Geist mehrerer Epochen und Musikstile in sich aufgenommen hat. Die allen ihren Mitgliedern gemeinsame Liebe zu Rock und Klassik hat zu einem hochinteressanten Projekt geführt, in dem eine Atmosphäre modernen Barocks herrscht. Die Musik von Orion ist ein Geflecht aus traditioneller Rockmusik und europäischer Klassik. Hörer, Kritiker und Musiker haben den Stil der Gruppe mal als „art-rock“, mal als „progressive rock“ oder auch als „sympho rock / sympho metal“ beschrieben... Die Band selbst nennt ihren Stil „neoclassic rock“.

Am 14. Juni fand in der evangelisch-lutherischen Katharinenkirche (St. Petersburg) ein Konzert dieser Gruppe statt. Der Pastor der Gemeinde begleitete dieses Konzert durch eine Predigt und mehrere Kurzansprachen an die Versammelten. Das war eine ganz neue Erfahrung sowohl für die Gemeinde wie für die Musiker – und wurde auch sogleich zum Thema für ernsthafte Gespräche.

Mit Dmitrij Lobow, dem Komponisten und Vokalisten der Gruppe, sprach Anton Tichomirov:

Ihre Lieder berühren tiefgeistliche Fragen. Nicht selten kommen darin die Worte „Gott“ und „Gebet“ vor, es werden biblische Ereignisse erwähnt ... Äußerlich erinnert das sehr an sogenannte „christliche Rockmusik“...

Ja, so eine Richtung gibt es – „christlicher Rock“. Und die ist bei christlich gefärbten Sekten und bestimmten traditionellen Konfessionen sogar ziemlich verbreitet. Aber wir haben mit diesem Stil nun gerade überhaupt nichts zu tun.

Dann erkläre ich, warum ich gefragt habe: Christliche Rockmusik ist meiner Ansicht nach entweder sehr primitiv oder aber gar kein Rock, sondern reine Popmusik mit allem, was daraus folgt (sogenannte „Anbetungsbands“ bei den Baptisten, Pfingstlern usw.). In jedem Fall sind solche Lieder äußerst ideologisiert und primitiv und daher einfach uninteressant.

Was christlichen Rock angeht, sehe ich das ganz genau so. Wenn Musik keinen echten Existenzgrund hat, ist sie wirklich Popmusik. Solche Musik ist einfach ein Werkzeug. Im einen Fall für bloßes Geldverdienen, im anderen zum Lösen von ideologischen Aufgaben. Als wir unser Konzert in der Katharinenkirche angekündigt haben, sind wir übrigens auch in den

Verdacht gekommen, wir würden christlichen Rock spielen ...

Soweit ich das verstehe, haben Sie das erste Mal in einer Kirche gearbeitet. Und welchen Eindruck hat dieser für Rockmusik exotische Ort auf Sie gemacht?

Besonders hat mich die Atmosphäre erstaunt. Ich habe vorher in der Kirche nur ein paar Nächte repetiert, aber das war genug, um mich hier richtig wohl zu fühlen. Ich bin sicher, dass solche Orte genau so sein sollten. An einem heiligen Ort sollte der Mensch sich gut fühlen und nicht seltsam. Er sollte dort nicht hinter jede Säule gucken in der Befürchtung, dass ihn Gott oder der Verstand des Universums oder sonst wer jetzt für seine Sünden bestraft ... Der Mensch sollte sich in der Kirche wohl und leicht fühlen, es muss ihn inspirieren und nicht niederdrücken, sich an einem solchen Ort zu befinden. Das ist meine subjektive Meinung. Ich kann nur für mich selbst sprechen, aber ich habe mich in Ihrer herrlichen Kirche richtig gut gefühlt.

Warum schauen die Menschen denn heute so ungern mal in eine Kirche?

Irgendwie scheint es mir, dass die Menschen weniger vor einer Kirche an sich Scheu empfinden als vor einer Kirche, die nicht orthodox ist ... das Gefühl habe ich ... Und auch sonst ist der russische Mensch verklemmt und voll Komplexe und erwartet, dass es bei jeder Sache einen Haken gibt, deshalb ist er auch so

→ голого зарабатывания денег, в другом – для решения идеологических задач. Мы, кстати, не избежали подозрений в исполнении христианского рока при анонсировании нашего концерта в церкви св. Екатерины...

Как я понимаю, в церкви вы работали первый раз. И каковы же ваши впечатления от столь экзотического для рок-музыканта места?

Особенно меня поразила атмосфера. Я провел на репетициях в церкви всего несколько ночей, но успел почувствовать себя очень уютно. Уверен, что подобные места и должны быть такими. В храме человеку должно быть хорошо, а не страшно. Он

не должен там заглядывать с опаской за каждую колонну в ожидании, что Бог, Вселенский разум или еще кто-то накажет его сейчас за грехи... Человеку в храме должно быть легко и хорошо, присутствие в таком месте должно воодушевлять, а не угнетать. Это мое субъективное мнение. Могу говорить

Я таких вопросов наслушался, когда анонсировал мероприятие!

Фото: Дарья Котюх/Фото: Daria Kotjuch

только за себя, но мне было абсолютно хорошо в вашей прекрасной церкви.

Почему же люди сегодня так неохотно заглядывают в церковь?

Почему-то кажется, что люди не столько боятся входить в храм, сколько боятся входить в НЕправославный храм... есть у меня такое ощущение... Да и вообще, российский человек зажат, закомплексован и изначально ожидает подвоха во всем, потому и агрессивен. Это подсказывает мой личный опыт, в том числе и сценический. Я таких вопросов наслушался, пока анонсировал мероприятие! От «надо ли креститься во время концерта» до «а что нужно надеть на концерт»... Иногда, каюсь, не удерживался от саркастических ответов типа «сейчас с высшим духовенством обсуждается дресс-код и, возможно, еще не точно, но мы получим благословение на пропуск женщин с непокрытой головой и в брюках». Мне искренне жаль церковь в наше время... Я плохо знаком с историей лютеранства и не могу сказать, что значительно лучше знаком с историей и традициями православия. Я являюсь человеком далеким от какой либо конфессии и не склонен очеловечивать облик Бога для себя... Хотя, как любой более-менее разумный и чуткий к окружающему миру человек, ощущаю наличие чего-то Высшего. Понятие Бога в знакомом мне и большинству людей христианстве очеловечено так сильно, что почти дискредитировано. Во многом из-за этого, как мне кажется, церковь в технократическом обществе стала сдавать позиции относительно прежних времен. Однажды создав образ, который когда-то был максимально понятен людям, теперь религия для многих стала слишком «мифологична» и «сказочна»... А взрослые люди не часто хотят верить в сказки...

На самом деле серьезное христианское богословие всегда тщательно старалось избежать того, чтобы представлять Бога в виде некоего человекоподобного Существа. Даже описанное вами представление о Боге, как некоей Высшей силе является с точки зрения большинства богословов несколько упрощенным. Для меня, например, Бог – это Тайна. Тайна как таковая, Тайна по определению. Бог – это бесконечная Тайна. Не потому, что мы еще чего-то не знаем в силу ограниченности наших способностей, а потому что мы в принципе не способны познать, понять, воспринять и принять ее. В любой тайне – ответ Божественного. Там, где Тайна, там Бог.

Любопытно, что при упомянутых вами стараниях христианского богословия не изображать Бога в конкретном образе, образ так или иначе

aggressiv. Das sagt mir meine persönliche Erfahrung, auch die Bühnenerfahrung. Was ich für Fragen anhören musste, als wir diese Veranstaltung angekündigt haben! Von „Muss man sich bei dem Konzert bekreuzigen?“ bis hin zu „Und wie muss man sich da anziehen?“ ... Manchmal konnte ich es zugegebenermaßen nicht lassen, etwas Sarkastisches zu antworten wie z.B. „Wir verhandeln gerade mit der höheren Geistlichkeit über den Dresscode und wissen es noch nicht genau, aber vielleicht bekommen wir den Segen dazu, auch Frauen ohne Kopfbedeckung und in Hosen zuzulassen“. Mir tut die Kirche in unserer Zeit aufrichtig Leid ... Ich bin mit der Geschichte des Luthertums wenig vertraut und kann auch nicht behaupten, dass ich die Geschichte und die Traditionen der Orthodoxie viel besser kenne. Ich bin von jeder Konfession weit entfernt und neige nicht dazu, Gottes Gestalt für mich zu vermenschlichen... Obwohl ich wie jeder einigermaßen vernünftige und empfindsame Mensch das Vorhandensein von etwas Höherem spüre. Der Gottesbegriff im Christentum, wie ich und die meisten meiner Bekannten es kennen, ist so vermenschlicht, dass er schon fast diskreditiert ist. In vielem musste die Kirche, wie mir scheint, gerade aus diesem Grund in letzter Zeit in unserer technokratischen Gesellschaft viele Rückzüge machen. Die Religion hat einmal ein Bild geschaffen, das den Menschen damals am verständlichsten war, und ist damit jetzt für viele zu „mythisch“ und „märchenhaft“ geworden ... Und erwachsene Menschen wollen oft nicht an Märchen glauben ...

Фото: Михаил Хейфец/Foto: Michail Heifez

erkennen, zu begreifen, wahrzunehmen und anzunehmen. Jedes Geheimnis hat etwas Göttliches an sich. Wo Geheimnis ist, ist Gott.

Was ich für Fragen anhören musste, als wir diese Veranstaltung angekündigt haben!

Interessant, dass bei allen von Ihnen genannten Anstrengungen, Gott nicht in einer konkreten Gestalt abzubilden, dennoch eine Gestalt aufgekommen ist ... Vielleicht ist an allem die Tatsache schuld, dass es für den Menschen prinzipiell einfacher ist, allem, womit er mehr oder weniger häufig in Berührung kommt, eine anthropomorphe (oder eine beliebige andere verständliche) Gestalt zu geben. Zudem hat das Christentum fast überall schon bestehende Kulte und Religionen ersetzt, was zur Bildung von symbiotischen, national gefärbten „Subkonfessionen“ führte ... Das hat wahrscheinlich auch zu einem konkreten Bild Gottes als des Rechtsnachfolgers der heidnischen Götter beigetragen... Man muss sagen, die Wissenschaft hat diese Eigenheit auch... Die Superstringtheorie setzt zum Beispiel zehn oder elf (genau weiß ich es nicht mehr) Dimensionen voraus ... Wir als Wesen, die in vier Dimensionen leben, können uns einen elfdimensionalen Raum nur sehr schwer vorstellen ... Deshalb versuchen wir uns im Kopf etwas vorzustellen, was man sich nicht vorstellen kann. Die Mathematiker abstrahieren und denken in Zahlen, aber einige versuchen, sich irgendeine Sphäre vorzustellen, wenigstens irgendetwas, was helfen könnte, ein Bild von dem zu schaffen, was man erforscht.

In Wirklichkeit ist ernsthafte christliche Theologie stets bemüht gewesen, es zu vermeiden, sich Gott als ein menschenähnliches Wesen vorzustellen. Selbst die von Ihnen beschriebene Vorstellung von Gott als einer Art höherer Macht ist aus der Sicht der meisten Theologen etwas vereinfacht. Für mich zum Beispiel ist Gott Geheimnis. Geheimnis an sich, Geheimnis per definitionem. Gott ist ein endloses Geheimnis. Nicht weil wir etwas wegen unserer begrenzten Fähigkeiten noch nicht wissen, sondern weil wir prinzipiell nicht in der Lage sind, es zu

Aber das Wichtigste im Christentum ist ja doch nicht das abstrakte Nachdenken über Gott und das Universum, sondern die lebendige Begegnung mit Jesus Christus ...

Фото: Дарья Котюх/Foto: Darja Kotjuch

Мы не видим истинного христианства через призму 2000 лет

→ появился... Возможно виной всему то, что человеку в принципе проще придавать антропоморфный (или любой понятный) образ всему, с чем он более или менее часто соприкасается. К тому же почти везде христианство приходило на место уже существующих культов и религий, что формировало какие-то симбиотические, окрашенные в национальный колорит «субконфессии»... Это, наверное, тоже располагало к появлению конкретного образа Бога, как правопреемника языческих божеств... Надо сказать, что для науки это тоже свойственно... Теория суперструн, например, предполагает наличие десяти или одиннадцати (точно не вспомню) измерений... Мы, как существа, живущие в четырех измерениях, с большим трудом

можем представить себе одиннадцатимерное пространство... Поэтому пытаемся в голове представить нечто, что представить нельзя. Математики абстрагируются и мыслят цифрами, но некоторые пытаются вообразить какую-то сферу, хоть что-то, что может помочь создать образ того, что исследуется.

Но все же главное в христианстве – это не абстрактные рассуждения о Боге и Вселенной, а живая встреча с Иисусом Христом...

Согласен. Я не могу делать весомых заявлений, но на основе своей интуиции и анализа культуры последнего столетия складывается ощущение, что мы не видим истинного христианства (как учения Христа) через призму 2000 лет. Мы не видим его за переводами с церковнославянского, которые были переведены с греческого и латыни, которые были переведены с древнееврейского, арамейского, койнэ... Мы не видим его через субъективные трактовки богословов-популистов, не видим через дым костров инквизиции, через церковную цензуру. Единственной яркой фигурой среди всей этой неоднозначности видится Сам Христос... Странно, но есть несколько тем, которые в искусстве очень яркие и весомые... и какой-то фантастически тяжеловесной (по значимости) является тема Христа... особенно период его жизни начиная с ареста. Возможно, что это мой субъективный взгляд, но эта история, этот образ... он по своей правдивости и яркости перекрывает все 2000 лет существования христианской Церкви. Любопытно... я немного изучал историю изображения Христа в разные эпохи... сложно сравнивать с работами периода до Ренессанса, так как там уровень живописи мешает объективно оценивать аффект, вкладываемый авторами...к тому же иконопись с живописью тоже не совсем корректно отождествлять... Но все равно есть над чем подумать. От итальянских мозаик III-IV века, где Христос изображается абсолютно светлым и совсем не страшным – до образа Пантократора, – на некоторые иконы смотреть страшно... Когда светская живопись добралась до образа Христа – появился совсем другой облик... Но дело даже не в том, как написана икона или картина - интересна тенденция: я заметил, что в XX веке образ Христа в живописи возможно трагичнее, чем когда-либо! Может быть я ошибаюсь...но это я видел в сотнях картин: от карандашных набросков до компьютерной графики, от героя мюзикла Уэбера до стремления к историчности и аутентичности в Страстях Христовых Мела Гибсона.

При всем нашем различии в оценках тех или иных реалий церковной истории ваши слова об образе Христа очень глубоко тронули меня... Но вы, как мне кажется, ошибаетесь относительно Гибсона. У него историчность и аутентичность как раз отсутствует. Его фильм – лубок, сделанный в духе одного из направлений средневекового монастырского благочестия, своего рода движущаяся икона, но ни в коем случае не попытка исторической реконструкции (что бы сам Гибсон

Das sehe ich auch so. Ich kann hier keine gewichtigen Aussagen machen, aber nach meiner Intuition und meiner Analyse der Kultur der letzten Jahrhunderte habe ich den Eindruck, durch das Prisma von 2000 Jahren sehen wir das wahre Christentum (als Lehre Christi) gar nicht mehr. Vor lauter Übersetzungen aus dem Kirchenslawischen, die aus dem Griechischen und Lateinischen übersetzt wurden und diese ihrerseits aus dem Hebräischen, Aramäischen, aus der Koine... Wir sehen es nicht mehr vor lauter subjektiven Deutungen von Populärtheologen, dem Rauch der Scheiterhaufen der Inquisition und vor lauter kirchlicher Zensur. Als einzige herausragende Figur in all dieser Uneindeutigkeit ist Christus zu sehen... Seltsam, aber es gibt ein paar Themen, die in der Kunst sehr herausstechen und sehr gewichtig sind... und ein unglaublich bedeutungsschweres Thema ist Christus... besonders der Zeitraum seines Lebens von der Verhaftung an. Möglicherweise ist das meine subjektive Sicht, aber diese Geschichte, diese Gestalt... übersticht an Glaubwürdigkeit und Leuchtkraft die ganzen 2000 Jahre Existenz der christlichen Kirche. Interessant... Ich habe ein bisschen die Geschichte der Abbildung Christi in unterschiedlichen Epochen studiert... Es ist schwierig, Vergleiche zu Arbeiten aus der Zeit vor der Renaissance zu ziehen, weil uns dort das Niveau der Malerei daran hindert, die von den Künstlern eingebrachten Gemütsregungen richtig zu bewerten... Außerdem ist es auch nicht ganz korrekt, Ikonenmalerei mit Kunstmalerei gleichzusetzen... Aber dennoch gibt

es hier etwas zum Nachdenken. Von italienischen Mosaiken aus dem dritten und vierten Jahrhundert, auf denen Christus ganz licht und überhaupt nicht furchterregend dargestellt wird, bis hin zur Pantokrator-Gestalt – manche Ikonen jagen einem Angst ein... Als die weltliche Malerei auch zum Christusbild kam – da erschien eine ganz andere Gestalt... Aber es geht eigentlich gar nicht einmal darum, wie eine Ikone oder ein Bild gemalt ist – interessant ist die Tendenz: Ich habe bemerkt, dass die Gestalt Christi im XX. Jahrhundert in der Malerei tragischer ist als je zuvor! Vielleicht irre ich mich... aber das habe ich auf hunderten von Bildern gesehen – von Bleistiftskizzen bis hin zur Computergraphik, von Webbers Musicalhelden bis hin zum Streben nach Historizität und Authentizität in Mel Gibsons „Passion Christi“.

Bei allen Unterschieden in unserer Bewertung mancher Realien aus der Kirchengeschichte haben einige Ihrer Worte mich sehr tief berührt... Aber mir scheint, Sie irren sich, was Gibson angeht. Bei ihm ist gerade kein Historismus und keine Authentizität zu finden. Sein Film ist ein Bilderbogen im Sinn einer der Richtungen mittelalterlicher Mönchsfrömmigkeit, eine Art bewegte

Durch das Prisma von 2000 Jahren sehen wir das wahre Christentum gar nicht mehr

Фото: Михаил Хейфец/Foto: Michail Heifez

по этому поводу ни думал) В этом смысле Уэббер, как ни странно, может быть куда ближе к реальности.

Человек XX-XXI веков страдает больше и больше

Что касается Гибсона, то я, видимо, не совсем точно выразился... скорее имелась в виду его претензия на историчность и аутентичность (оригинальный язык и т.д.), которая производит на большинство зрителей впечатление... И это не случайно. Такое ощущение, что человек XX-XXI веков страдает больше и больше кается внутренне... по крайней мере это касается человека мыслящего. Он как будто извиняется перед Богом за свой род – за человеческий род. И эта боль, это раскаяние выливается в образ Христа – страдающий, выглядящий обреченно. Это, конечно, личные мои ощущения, которые не претендуют на истину в последней инстанции...

Но вернемся к началу нашего разговора... Что самое главное в вашей музыке? И что она может сказать сегодняшним христианам?

Я попробую сказать просто. Знаете, когда человек хочет петь? Тогда, когда не хочет говорить! Точнее, когда песня сильнее и нужнее слов. А знаете, когда человек пишет стихи? Когда реальность нуждается в том, чтобы дать ей красоту! Я бы мог сказать, что главное в нашей музыке – радовать людей, менять мир или развивать какие-то направления в музыке... но это была бы ложь, точнее, это не было бы полной правдой! Это все производное, а в основе всего лежит тот факт, что мы занимаемся этим потому, что не можем не делать этого! По принципу классика: «можешь не писать – не пиши». Так мы не можем не творить, не петь, не играть. Наверное, это главное – искренность перед самим собой. Если художник честен с собой, то о чем бы он не говорил людям – это не будет ложью (а люди в зале очень чувствуют ложь), а значит обязательно найдет свою публику и даст ей то, что она хочет получить. Ну а про такие вещи как качество исполнения и материала – я просто молчу... это априори должно присутствовать... хотя увы - далеко не всегда в России это так.

Я лишь считаю, что искусство не должно существовать без «сверхзадачи»... причем «сверхзадачей» одинаково может быть как желание добиться улыбки любимой женщины, так и желание предупредить все человечество об ошибке – это ведь все одинаково важно! Ведь если сегодня женщины перестанут улыбаться, завтра человечество может разучиться любить...

А что бы вы сами хотели услышать от Церкви, чему у нее научиться?

Если сегодня женщины перестанут улыбаться, завтра человечество может разучиться любить

Хороший вопрос. Лично я могу прослушать Реквием Моцарта и ощутить такое прикосновение к вечности, к высшему, которое кто-то возможно никогда не почувствует и в храме. Ведь, перефразируя приведенные вами слова, можно сказать: «Бог во всем и ни в чем»... Он в музыке Баха, в словах пастора, в шелесте листвы, в свисте летящей в сердце пули... Я лично общаюсь с Вечностью через музыку. Я знаю, что такое вдохновение, когда ты чувствуешь себя просто проводником, когда что-то водит твоей рукой.

Есть люди, которым Церковь может и должна помогать... в этом, я считаю, и есть ее главная задача – протянуть руку тому, кто нуждается в этом, не навязывая себя. Тут ведь мы с вами делаем одно дело! Как музыка, так и религия дают человеку духовную пищу, отдушину... а порой и смысл жизни!

В церкви святой Екатерины я уже увидел открытость и терпимость, которой можно учиться... не каждый священник сможет так спокойно взирать на происходящую подготовку к рок-концерту в своем храме (*улыбается*)... Было бы здорово, если бы все представители Церкви были так же открыты и готовы к диалогу и сотрудничеству, как это было в вашей церкви. Спасибо вам за гостеприимство и за то, что вы показали нам, каким может быть священник и церковь! ■

Фото: Дарья Котюх/Foto: Darja Kotjuch

Ikone, aber auf keinen Fall ein Versuch historischer Rekonstruktion (was auch immer Gibson selbst darüber denkt). In dieser Hinsicht kann Webber seltsamerweise der Realität viel näher kommen.

Was Gibson angeht, habe ich mich wohl ungenau ausgedrückt... ich meinte eher seinen Anspruch auf Geschichtlichkeit und Authentizität (Ursprache usw.), der die meisten Zuschauer beeindruckt ... Und das ist kein Zufall. Ich habe das Gefühl, der Mensch des XX. und XXI. Jahrhunderts leidet mehr und tut mehr innerliche Buße ... jedenfalls der denkende Mensch. Er entschuldigt sich quasi vor Gott für das Menschengeschlecht. Und dieser Schmerz, diese Reue ergießt sich in das Bild Christi – des Leidenden, für den man keine Chance mehr sieht.

Das sind

natürlich meine persönlichen Empfindungen ohne Anspruch auf die letzte Wahrheit ...

Aber kommen wir zum Anfang unseres Gesprächs zurück ... Was ist das Wichtigste in Ihrer Musik? Und was hat sie den heutigen Christen zu sagen?

Ich versuche es einfach auszudrücken. Wissen sie, wann der Mensch das Bedürfnis hat, zu singen? Wenn er keine Lust hat, zu reden! Genauer gesagt, wenn das Lied stärker und wichtiger ist als Worte. Und wissen Sie, wann ein Mensch Gedichte schreibt? Wenn die Wirklichkeit danach verlangt, dass man ihr Schönheit gibt! Ich könnte sagen, das Wichtigste in unserer Musik sei es, Menschen zu erfreuen, die Welt zu verändern oder irgendwelche Musikrichtungen weiterzuentwickeln ... aber das wäre eine Lüge, oder genauer gesagt: Das wäre nicht die ganze Wahrheit! Das ist alles sekundär, dem allem liegt die Tatsache zu Grunde, das wir das tun, weil wir nicht anders können! Nach dem Prinzip des Klassikers¹: „Schreibe nur,

wenn du es nicht lassen kannst“. Und wir können es eben nicht lassen, zu schaffen, zu singen und zu spielen. Das ist wohl das Wichtigste – Ehrlichkeit vor sich selbst. Wenn ein Künstler ehrlich mit sich selbst ist, dann wird, was immer er den Menschen sagt, keine Lüge sein (und das Publikum spürt eine Lüge sofort), und so wird er auf jeden Fall seine Zielgruppe finden und ihr das geben, was sie sucht. Nun, was die Qualität der Ausführung angeht – dazu sage ich gar nichts ... das muss a priori da sein ... obwohl das in Russland leider bei weitem nicht immer der Fall ist.

Ich meine bloß, dass Kunst nicht ohne eine Meta-Aufgabe existieren sollte. Diese kann genauso gut der Wunsch sein, die geliebte Frau zum Lächeln zu bringen, wie die ganze Menschheit vor einem Fehler zu warnen – das ist ja alles von gleicher Wichtigkeit! Denn wenn die Frauen heute aufhören zu lächeln, kann die Menschheit morgen verlernen, zu lieben...

Und was würden Sie selbst gerne von der Kirche hören und von ihr lernen?

Gute Frage. Ich persönlich kann mir Mozarts Requiem anhören und eine solche Berührung mit der Ewigkeit, mit dem Höchsten erleben, wie sie mancher vielleicht auch in der Kirche nie spürt. Denn man könnte ja die Worte, die Sie angeführt haben, so paraphrasieren: „Gott ist in allem und in nichts“... Er ist in Bachs Musik, in den Worten des Pastors, im Rascheln des

Laubes, im Pfeifen des ins Herz fliegenden Geschosses ... Ich persönlich habe Gemeinschaft mit der Ewigkeit durch die Musik. Ich weiß, was Inspiration ist – wenn du dich als bloßer Mittler fühlst, wenn etwas deine Hand führt.

Es gibt Menschen, denen die Kirche helfen kann und muss... Genau das, denke ich, ist auch ihre Hauptaufgabe – unaufdringlich demjenigen die Hand entgegenzustrecken, der das braucht. Hier arbeiten wir doch beide an derselben Sache! Sowohl die Musik als auch die Religion geben der Seele Nahrung, einen Ort zum Aufatmen ... und manchmal auch den Sinn des Lebens!

In der Katharinenkirche habe ich schon eine Offenheit und Toleranz gesehen, von der man lernen kann... nicht jeder Priester könnte so ruhig dabei zusehen, wie in seinem Gotteshaus ein Rockkonzert vorbereitet wird (*lächelt*) ... Es wäre toll, wenn alle Vertreter der Kirche so offen und so bereit zu Dialog und Zusammenarbeit wären, wie es in Ihrer Kirche war. Danke für Ihre Gastfreundschaft und dafür, dass Sie uns gezeigt haben, wie Priester und Kirche sein können! ■

Der Mensch des XX. und XXI. Jahrhunderts leidet mehr und tut mehr Buße

¹ L. Tolstoi äußerte mehrfach diesen Gedanken.

Он всегда отвечал...

Памяти Харальда Калниньша

Эльвира Жейдс

Er antwortete immer...

Gedenken an Harald Kalniņš

Elvira Zhejds

Портрет первого Епископа нашей Церкви семь лет висел над моим рабочим столом. От разных людей я слышала воспоминания о том, как вновь создавалась Церковь, о трудностях и энтузиазме того времени, о традициях и ожиданиях. Часто я спрашивала себя, насколько то, что я делаю, соотносится с тем, что вкладывали в понятие «Церковь» мои наставники и учителя. Для меня очень важно было узнать как можно больше о тех, кто стоял у истоков, сохранять то, что еще возможно. Ведь мы приняли то, что имеем сейчас, от них. И еще... многое они просто не смогли или не успели разъяснить, передать...

Sieben Jahre hing das Bild des ersten Bischofs unserer Kirche über meinem Arbeitsplatz. Von unterschiedlichen Menschen habe ich Erinnerungen daran gehört, wie die Kirche wiederaufgebaut wurde, an die Schwierigkeiten und den Enthusiasmus jener Zeit, an die Traditionen und Erwartungen. Oft habe ich mich gefragt, inwieweit das, was ich tue, dem entspricht, was meine Lehrmeister unter „Kirche“ verstanden. Für mich war es sehr wichtig, möglichst viel über diejenigen zu erfahren, die am Anfang dieser Geschichte standen, und das, was noch zu retten war, zu erhalten. Denn von ihnen haben wir ja das empfangen, was wir jetzt haben. Und ... vieles konnten sie uns einfach nicht klar machen und weitergeben oder hatten nicht die Zeit dazu ...

→ 22 июля 2011 года исполнилось 100 лет со дня рождения первого Епископа возрожденной в Советском Союзе Евангелическо-Лютеранской Церкви Харальда Калниньша (22.07.1911-27.10.1997).

То было благословенное время трудностей и надежд.

Во время его проповедей люди сосредоточенно замирали, боясь пропустить хоть слово – таков был дар проповедника и пастыря. Его слова, манера говорить завораживали, открывали сердца людей Слову Господа, задевали все душевные струны, вызывая благоговение, восторг, страх или боль.

Он пережил все сложности церковного служения в стране, где насаждался атеизм, разрушались церкви, депортировали, расстреливали и бросали в лагеря пасторов и прихожан.

Еще в детстве он вместе со своим братом мечтал стать проповедником. Господь призвал его уже тогда, а затем дал ему возможность стать той движущей силой, той личностью, вокруг которой собрались разрозненные и рассеянные на огромных пространствах общины.

Харальду Калниньшу было присуще обаяние подлинного интеллигента. Знание нескольких языков: французского, немецкого и латышского, русского (Калниньш родился в Петербурге) помогло ему впоследствии понимать людей в разных странах, культурах, политической ситуации. Оно же дало возможность для изучения теологии в Швейцарии, в миссионерской школе и семинарии св. Кришоны в Базеле, где студент Калниньш познакомился с традицией пиетизма. Позже в Эльзасе он занимался работой с молодежью и нес служение проповедника. Будущий пастор вопрошал Господа: «Я хочу следовать за Тобой. Но знаю ли я, куда идти?».

После смерти пастора Артура Пфайффера в 1973 году и отъезда в Германию пасторов Ойгена Бахмана и Иоганна Шлюндта в уцелевших после репрессий лютеранских общинах на территории СССР не осталось ординированных служителей. А общины нужно было собирать, вытаскивать их из изоляции, помогать им налаживать контакты друг с другом. Своими словами и проповедями Харальд Калниньш увлекал людей, зажигал их

В этой жатве он встретил братьев и сестер, сохранивших общины...

Und bei dieser Ernte begegnete er den Geschwistern, die die Gemeinden erhalten hatten...

Am 22. Juli 2011 wäre Harald Kalniņš (22.07.1911-27.10.1997), der erste Bischof der wiedererstandenen Evangelisch-Lutherischen Kirche in der Sowjetunion, hundert Jahre alt geworden.

Das war eine gesegnete Zeit voller Schwierigkeiten und Hoffnungen.

Bei seinen Predigten lauschten die Menschen gespannt, um ja kein Wort zu verpassen – solch eine Prediger- und Hirtengabe hatte er. Seine Worte und die Art, wie er sprach, faszinierten, öffneten Menschenherzen für das Wort des Herrn, berührten alle Saiten der Seele, riefen Staunen, Begeisterung, Furcht oder Schmerz hervor.

Er durchlebte alle Schwierigkeiten des kirchlichen Dienstes in einem Land, in dem Atheismus gepredigt, Kirchen zerstört, Pastoren und Gemeindeglieder deportiert, erschossen oder in Lager geworfen wurden.

Schon als Kind träumten er und sein Bruder davon, Prediger zu werden. Der Herr berief ihn schon damals und ließ ihn später zu jener treibenden Kraft werden, um die sich die vereinzelt und zerstreuten Gemeinden riesiger Gebiete sammelten.

Harald Kalniņš hatte den Charme eines echten Intellektuellen. Die Kenntnis mehrerer Sprachen - Französisch, Deutsch, Lettisch und Russisch (Kalniņš war in St. Petersburg geboren) – half ihm später, Menschen in verschiedenen Ländern, Kulturen und politischen Situationen zu verstehen. Sie ermöglichte es ihm auch, in der Schweiz Theologie zu studieren – an der Missionsschule und dem theologischen Seminar St. Chrischona in Basel, wo der Student Kalniņš die Tradition des Pietismus kennen lernte. Später betrieb er im Elsass Jugendarbeit und war Prediger. Der zukünftige Pastor rief zum Herrn: „Ich möchte dir nachfolgen. Aber weiß ich, wohin ich gehen soll?“

Nach dem Tod von Pastor Arthur Pfeiffer im Jahr 1973 und der Ausreise der Pastoren Eugen Bachmann und Johannes Schlundt nach Deutschland verblieben in den übriggebliebenen Gemeinden keine ordinierten Amtsträger mehr. Die Gemeinden aber mussten zusammengebracht, aus der Isolation gezogen werden, man musste ihnen helfen, Kontakte miteinander zu knüpfen. Durch seine Worte und Predigten riss Harald Kalniņš die Menschen mit, entflammte ihre Herzen, lehrte sie, sich als Teil der einen Kirche Christi zu fühlen, rief sie zur Buße auf. Aber es gab auch andere Aufgaben: die Schaffung einer Kirchenstruktur, einer Satzung, die Entwicklung der theologischen Ausbildung, Kontakte mit anderen Kirchen in Russland und anderen Ländern. Das alles erforderte deutliche Anstrengungen vieler Mitarbeiter. Ein System, eine Strategie, eine Arbeitsorganisation war nötig. Und es gelang ihm, solche Menschen zu finden. Sie wurden die ersten Pröpste, Redaktoren des „Boten“, Dozenten theologischer Kurse, Mitarbeiter der Kanzlei in Riga: Ralf Gnewuch, Ilona Minčenoka, Natalie Kofler, Stefan Reder, Sandra Vindič, Gundars Baštiks, Baiba Ustub. Am Anfang seines Dienstes arbeitete auch Pastor Josef Baronas daran mit. Danach wählte er für sich allerdings den Weg der Spaltung. All diese Jahre hindurch war seine Gattin Vija Kalniņa ihm eine Helferin und Mitarbeiterin. Sie bewahrt bis heute zu Hause in Riga Erinnerungen, Fotos und ein Archiv seiner Dokumente und Predigten auf.

Die Kirche war dabei, neu zu erstehen, sich zu einen, sich zu erneuern. Es entstand ein dreistufiges System: die Gemeinden, die Regionalkirchen und eine alle vereinende Gesamtkirche. Die heutige Wirklichkeit ist von diesem ursprünglichen Konzept weit entfernt. Das wurde schon bei der Generalsynode 1999 klar. Aber jetzt, zehn Jahre später, nach der Strukturänderung der Kirche und der Verabschiedung einer neuen Satzung der ELK bei der Generalsynode 2009, kommen wir erneut zum Verständnis derselben

1951 wurde Harald Kalniņš durch den Erzbischof der Evangelisch-Lutherischen Kirche Lettlands (ELKL) Gustav Türs ordiniert.

Seit 1967 besuchte er auf eigene Initiative und mit dem Segen der ELKL immer wieder Gemeinden in Lettland und anderen Regionen, besonders in Kasachstan, Sibirien und Mittelasien, wohin seit den 70er Jahren mit Hilfe des Luther-Weltbundes russischsprachige Bibeln gebracht wurden.

Am 14. September 1980 wurde er in Tallinn bei der Europäischen Konferenz des LWB von Jānis Matulis, dem Erzbischof der ELK Lettlands, als Superintendent mit Bischofsrechten für die deutschen lutherischen Gemeinden in der UdSSR eingesegnet.

Am 13. November 1988 wurde Harald Kalniņš in der Jesuskirche in Riga zum ersten Bischof der auf der Grundlage der Satzung von 1924 erneut staatlich anerkannten ELK in der Nachfolge der Bischöfe Theophil Meyer und Arthur Malmgren. Die Amtseinführung vollzog der Erzbischof der ELK Lettlands Erik Mesters unter Assistenz von Bischof Horst Hirschler aus der Hannoverschen Landeskirche und Bischof Kortegangas aus der ELK Finnlands.

1989 begann unter seiner Leitung das theologische Seminar seinen Betrieb. In Moskau wurde ein Gesangbuch gedruckt.

Am 23.-24. Mai 1991 erzählte er bei einem Treffen auf der Sitzung des Rates Evangelischer Kirchen Deutschlands zusammen mit seinem Stellvertreter und späteren Nachfolger Dr. Georg Kretschmar von der neu gebildeten Kirche. So begann die Kirchenpartnerschaft. Er äußerte den Wunsch, für eine Übergangszeit Pastoren in die ELK zu senden, und daraufhin wurde der Hilfsprozess organisiert.

Im Januar 1992 erschien in Riga die erste Nummer der Zeitschrift «Вестник»/„Der Bote“, welche von Bischof Kalniņš mit folgenden Segensworten begleitet wurde: „**‘Bote’, tue deinen gesegneten Dienst an Gottes Volk und den zerstreuten Gemeinden Jesu Christi! Schaffe durch den Glauben Bande der Zusammenarbeit, mache Kinder und junge Menschen glücklich, erleuchte ihren Weg mit Licht von oben.**“

Am 29. September 1994 legte Harald Kalniņš sein Amt auf der 1. Generalsynode der ELKRAS nieder.

Bis zu seinem Tod war er in sechs Gemeinden der Deutschen Evangelisch-Lutherischen Gemeinde Lettlands als Pastor im Amt. Er ist beerdigt auf dem Friedhof der Stadt Saulkrasti in Lettland.

→ сердца, учил их чувствовать себя частью единой Церкви Христовой, призывал к покаянию. Но были другие задачи: создание церковной структуры, устава, развитие теологического образования, контакты с другими Церквями в России и других странах. Все это требовало значительных усилий многих сотрудников. Нужна была система, стратегия, организация работы. И он сумел найти таких людей. Они стали первыми пробстами, редакторами журнала «Вестник», преподавателями теологических курсов, сотрудниками канцелярии в Риге: Ральф Гневух, Илона Минченко, Наталие Кофлер, Штефан Редер, Сандра Виндич, Гундарс Ваштикс, Байба Устуб. В начале своего служения пастор Йозеф Баронас также принимал участие в этой работе. Затем, однако, он выбрал для себя путь раскола. Все годы неизменным спутником Харальда Калниньша, его помощником и сотрудником была его супруга – Вия Калниня. До сих пор дома, в Риге, она хранит воспоминания, фотографии, архив его документов и проповедей.

Церковь возрождалась, объединялась, обновлялась. Сложилась трехуровневая система – общины, региональные Церкви и объединяющая, единая для всех Церковь. Сегодняшняя реальность далека от этой первоначальной концепции. Это стало ясно уже на Генеральном Синоде 1999 года. Но теперь, спустя всего 10 лет, после изменения структуры Церкви и принятия нового Устава ЕЛЦ на Генеральном Синоде 2009 года, мы вновь приходим к пониманию этих же первоочередных задач: единство Церкви, устав и подготовка пасторов.

Харальд Калниньш вел людей к Царству Божию. Его девизом были слова из 1 Послания к Коринфянам (15,57-58): «Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом! Итак, братия мои возлюбленные, будьте

тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом».

Все начиналось с малого. Несмотря на запреты властей, тяжелые условия, его проповеди не умолкали. Первые ординированные им из среды верующих пасторы приступали к служению, – пока еще в домах и на кладбищах, но вскоре уже в полуразрушенных и затем восстановленных церковных зданиях. Материальной помощи люди тогда не ждали – была жажда слышать живую проповедь, получить свою первую Библию, подойти к св. Причастию, успеть хотя бы перед смертью... пусть с черствым черным хлебом и чаем...

Он пришел к жатве тех плодов, которые созревали в молитвах, крови и слезах верующих уничтоженной лютеранской Церкви. И в этой жатве он встретил братьев и сестер, сохранивших общины. Его поддерживала мысль: «Если братья и сестры, жившие под угрозой смерти, были верны до конца, неужели ты хочешь сейчас сдать? Никогда. Стать неверным, отречься от Бога? Никогда. Только так Христос побеждает в моей душе, в моей Церкви, в моей стране».

Крик о помощи, первые шаги навстречу – и вот, в, казалось бы, навсегда скованной холодом страха стране треснул лед отчуждения, пламя веры согрело сердца, и свет Евангелия проник в людские души.

Где эти города, из которых приходили робкие записки, с едва читаемыми карандашными или чернильными строками, или длинные пронзительные по своей искренности письма? Люди писали, высказывая самое важное, самое сокровенное, или обстоятельно рассказывали о жизни с библейскими

В 1951 году Харальд Калниньш ординирован Архиепископом Евангелическо-Лютеранской Церкви Латвии (ЕЛЦЛ) Густавом Турсом.

С 1967 года по своей инициативе и по благословию ЕЛЦЛ вновь и вновь посещал общины в Латвии и других регионах, особенно в Казахстане, Сибири и Средней Азии, куда в 1970-х с помощью Всемирной Лютеранской Федерации начали привозить Библии на русском языке.

14 сентября 1980 года в Таллине, во время Европейской конференции ВЛФ Архиепископом ЕЛЦЛ Янисом Матулисом был благословлен в качестве суперинтендента с правами Епископа для немецких лютеранских общин в СССР.

13 ноября 1988 года в Риге в церкви Иисуса после Епископов Теофила Майера и Артура Мальмгрена Харальд Калниньш стал первым Епископом ЕЛЦЛ, вновь признанной государством на основании Устава 1924 года. Введение в должность совершил Архиепископ ЕЛЦ Латвии Эрик Местерс при участии ассистентов: Епископа Церкви Ганновера Хорста Хиршлера, Епископа ЕЛЦ Финляндии Кортгангаса.

В 1989 году под его руководством начал работу теологический семинар. В Москве напечатан сборник песнопений.

23-24 мая 1991 года впервые во время встречи на заседании Совета Евангелической Церкви Германии вместе со своим заместителем и впоследствии преемником д-ром Георгом Кречмаром он рассказал о вновь создаваемой Церкви. Так началось межцерковное партнерство. В ответ на его пожелание направить на переходный период пасторов в ЕЛЦ был организован процесс помощи.

В январе 1992 года в Риге вышел первый номер журнала «Вестник»/“Der Bote”, который епископ Калниньш сопроводил таким благословением: «Вестник» – **выполняй свое благословенное служение народу Божьему и рассеянными общинами Иисуса Христа! Создавай верой узы содружества, осчастливь детей и молодых людей, освети путь их светом свыше».**

29 сентября 1994 на I Генеральном Синоде Евангелическо-Лютеранской Церкви (в России, Украине, Казахстане и Средней Азии) Харальд Калниньш подал в отставку.

Служил пастором 6 общин ЕЛЦ Латвии до самой кончины. Похоронен на кладбище в Саулкрасти, Латвия.

Hauptaufgaben: Einheit der Kirche, ihre Satzung und Pastorenausbildung.

Harald Kalniņš führte Menschen zum Reich Gottes. Seine Devise waren die Worte aus dem 1. Korintherbrief (15:57-58): „Gott aber sei Dank, der uns den Sieg gibt durch unsern Herrn Jesus Christus! Darum, meine lieben Brüder, seid fest, unerschütterlich und nehmt immer zu in dem Werk des Herrn, weil ihr wisst, dass eure Arbeit nicht vergeblich ist in dem Herrn.“

Alles begann klein. Trotz staatlicher Verbote und schwieriger Bedingungen verstummten seine Predigten nicht. Er ordinierte aus der Zahl der Gläubigen die ersten Pastoren, und sie begannen ihren Dienst – zunächst noch in Häusern und auf Friedhöfen, aber schon bald in halb zerstörten und dann wieder aufgebauten Kirchen. Materielle Hilfe erwarteten die Menschen damals nicht – es gab einen Durst nach lebendiger Predigt, nach der ersten eigenen Bibel, nach dem heiligen Abendmahl, sei es auch kurz vor dem Tod... sei es auch mit altem Schwarzbrot und Tee...

Er kam zur Ernte der Früchte, die in Gebeten, Blut und Tränen der Gläubigen in der zerstörten lutherischen Kirche gereift waren. Und bei dieser Ernte begegnete er

den Geschwistern, die die Gemeinden erhalten hatten. Ein Gedanke war ihm eine Stütze: „Wenn die Geschwister unter Lebensgefahr bis ans Ende treu waren, willst du dann etwa jetzt aufgeben? Niemals. Untreu werden, Gott verleugnen? Niemals. Nur so siegt Christus in meiner Seele, in meiner Kirche, in meinem Land.“

Ein Hilferuf, die ersten entgegenkommenden Schritte – und in dem Land, das für immer in der Kälte der Angst erstarrt schien, war das Eis der Entfremdung gebrochen, die Flamme des Glaubens erwärmte die Herzen und das Licht des Evangeliums drang in Menschenseelen ein.

Wo lagen die Städte, aus denen die schüchternen Anfragen kamen, kaum lesbare Bleistift- oder Tintenzeilen – oder die langen, bestechend ehrlichen Briefe? Menschen schrieben vom Wichtigsten, Verborgenen, oder erzählten ausführlich vom Leben, mit biblischen Kommentaren und mit ehrfürchtiger Hoffnung auf Antwort. Er antwortete und begutachtete jedes Mal die Karte, betrachtete die riesigen Entfernungen und schaute in die leeren Augen der Staatsbevollmächtigten: Würden sie ihn hinfahren lassen, würden sie einen Gottesdienst erlauben? Oder

Первые ординированные им из среды верующих пасторы приступали к служению...

Er ordinierte aus der Zahl der Gläubigen die ersten Pastoren, und sie begannen ihren Dienst...

→ комментариями и с трепетной надеждой на ответ. Он отвечал, и каждый раз всматривался в карту, в огромные расстояния, в пустые глаза государственных уполномоченных: разрешат ли поехать, разрешат ли провести богослужение? Или вновь бросят в лицо свинцовое «отрекись»?

Ожидание, всегда ожидание – и молитва. Отречься от Бога? Никогда! Он находил отпавших от веры, отчаявшихся, согбенных от нужды, страха, холода лагерей и безысходности, лишенных надежды. И становился для этих людей источником воды жизни, утоляя их жажду словом и братским участием. Теперь он знал, каким путем ведет его Господь. И живая вода хлынула из-под льда, все больше освобождаясь от многолетнего плена. Вместо одной спустя год разрешили посетить несколько общин. Это ли не промысел Божий? И вот – Новосибирск, Томск, Алма-Ата, Актюбинск, Семипалатинск, Республика Коми, Омск, Караганда, Целиноград ...

Наступило время благодати и стремительного развития. После долгих лет поездок по общинам вдруг за четыре года появились Церкви, семинария, газеты и календари, церковные здания... Но одновременно происходил выезд немцев, мешали слишком большие расстояния и слабая связь между епархиями и центром, смерть старых братьев и прерывание церковной традиции... Пробуждение принесло не только очищение и возрождение, но и много наносного, временного, непрочного. Вчерашние сотрудники с переменным успехом стремились создать собственные Церкви, стать независимыми. Многие говорили о вере, но не хотели изменить свою жизнь. Людям из общин не хватало образования, и их увлекали в изобилии распространявшиеся в эти годы ложные учения и представления о Церкви.

А сейчас? Действительно ли мы сейчас едины? Епископ Калниньш писал: «Истинная Церковь, община – та, которая через покаяние пришла к вере, к возрождению. И через возрождение и веру к святости, к спасенной жизни, без чего никто не увидит Бога».

С ним всегда была живая связь по телефону, в ответах на письма, приходившие со всех концов страны и от партнеров, принимавших участие в судьбе нашей Церкви. Он всегда отвечал. Многие до сих пор хранят эти пастырские послания, вспоминают свои приезды в церковь Иисуса в Ригу, и с благодарностью пересказывают слова, которые услышали от своего первого пастора и Епископа.

... На прощание он оставил нам четыре просьбы:

*держитесь своей веры и общности
в любви, иначе и все остальное не будет
ничего стоить;*

*будьте чисты и святы в провозвестии;
молитесь;*

*оставьте меня в маленьком уголке
вашего сердца, в совсем крошечном уголке;
сохраните меня в молитвах и мыслях так,
как и я сохраняю вас в моем сердце. ■*

würden sie ihm wieder ihr bleiernes „Sag, dass du nicht an Gott glaubst!“ ins Gesicht schleudern?

Warten, immer warten – und beten. Gott verleugnen? Niemals! Er suchte und fand die vom Glauben abgefallenen Menschen, die Verzweifelten, von Not und Angst, von der Kälte der Lager und der Ausweglosigkeit Gebeugten, die keine Hoffnung mehr hatten. Und er wurde für diese Menschen zur Quelle des Lebenswassers, stillte ihren Durst mit dem Wort und brüderlicher Anteilnahme. Jetzt wusste er, welchen Weg der Herr ihn führte. Und das lebendige Wasser sprudelte unter dem Eis hervor, befreite sich immer mehr aus der jahrelangen Gefangenschaft. Nach einem Jahr durfte er nicht nur eine, sondern mehrere Gemeinden besuchen. Und das sollte nicht Gottes Führung sein? Und dann lief es weiter: Novosibirsk, Tomsk, Alma-Ata, Aktjubinsk, Semipalatinisk, die Komi-Republik, Omsk, Karaganda, Zelinograd ...

Eine Zeit der Gnade und der rasanten Entwicklung war angebrochen. Nach langen Jahren der Besuchsreisen entstanden plötzlich innerhalb von vier Jahren eine Kirche, ein Seminar, Zeitungen und Kalender, Kirchengebäude ... Aber zugleich reisten Deutsche aus, zu große Entfernungen und schwache Verbindungen zwischen den Bistümern und dem Zentrum, der Tod der alten Brüder und Abriss der kirchlichen Tradition behinderten die Arbeit ... Die Erweckung brachte nicht nur Reinigung und Wiedergeburt, sondern auch viel Künstliches, Provisorisches, Instabiles. Die Mitarbeiter von gestern bemühten sich mit wechselndem Erfolg, ihre eigenen Kirchen zu gründen, unabhängig zu werden. Viele sprachen vom Glauben, wollten aber ihr Leben nicht ändern. Den Menschen aus den Gemeinden fehlte die Bildung, und sie wurden von den damals üppig wuchernden Irrlehren und irrigen Vorstellungen über Kirche mitgerissen.

Und heute? Sind wir nun wirklich eins? Bischof Kalninš schrieb: „Die wahre Kirche und Gemeinde ist die, welche durch Buße zum Glauben, zur Wiedergeburt gekommen ist. Und durch Glauben und Wiedergeburt zur Heiligkeit, zum erretteten Leben, ohne das niemand Gott schauen wird.“

Mit ihm gab es immer eine lebendige Verbindung – per Telefon, in seinen Antworten auf die Briefe, die von allen Enden des Landes sowie von den am Schicksal unserer Kirche Anteil nehmenden Partnern kamen. Er antwortete immer. Viele bewahren diese Hirtenbriefe immer noch auf, erinnern sich an ihre Besuche der Jesuskirche in Riga und erzählen dankbar die Worte weiter, die sie von ihrem ersten Pastor und Bischof gehört haben.

... Zum Abschied hinterließ er uns vier Bitten:

*Haltet fest am Glauben und an der
Gemeinschaft in Liebe, sonst ist auch alles
andere nichts wert;*

seid rein und heilig in der Verkündigung;

betet;

*behaltet mich in einem kleinen Winkel
eures Herzens, in einer ganz winzigen Ecke;
bewahrt mich in Gebet und Denken so, wie ich
euch im Herzen bewahre. ■*

Im Januar

Ich wünsche dir,
dass der Tag vor dir liegt
wie ein schneebedecktes Feld,
das dich reizt,
es zu betreten.

Gott hat dich
einzigartig gemacht,
damit du einen
Abdruck seiner Liebe
in der Welt hinterlässt.

Er wirkt in dir,
durch dich,
über dich hinaus.
Geh im Vertrauen
auf seine prägende Kraft.

TINA WILLMS

Январское благословение

Я желаю тебе,
чтобы каждый новый день,
простирался перед тобой,
как заснеженное поле,
зовущее тебя ступить на него.

Бог сотворил тебя
неповторимым,
для того чтобы ты
оставил в мире
отпечаток Его любви.

Он действует в тебе,
через тебя
И извне тебя.
Ступай же вперед, доверяя
Его созидающей силе.
Аминь

Рождественское благословение

Скажите тихо,
Скажите всем, кому страшно,
Прошепчите им:
Не бойтесь,
не страшитесь,
Бог здесь.
Он пришел в наш мир,
став простым бедным человеком.
Найдите же его,
отправьтесь в путь на Его поиски!
Но не ищите Его в высоте над звездами,
во дворцах или за сверкающими витринами.
Ищите Его в своей бедности,
в своей горечи и в своем страхе.
Там Он сокрыт,
Там вы найдете Его:
как луч света в густой чаще,
как ласковое прикосновение,
как шепот:
Не бойся.
Аминь
(Петер Хорст)

Weihnachtssegen

Sagt es leise weiter;
sagt allen, die sich fürchten,
sagt leise zu ihnen:
Fürchtet euch nicht,
habt keine Angst mehr,
Gott ist da.

Er kam in unsere Welt,
einfach, arm, menschlich.

Sucht ihn,
macht euch auf den Weg!

Sucht hat ihn nicht über den Sternen,
nicht in Palästen,
nicht hinter Schaufenstern.

Sucht ihn dort, wo ihr arm seid,
wo ihr traurig seid und Angst habt.

Da hat er sich verborgen,
da werdet ihr ihn finden,

wie einen Lichtschein im dunklen Gestrüpp,
wie eine tröstende Hand,
wie eine Stimme, die leise sagt:
Fürchte dich nicht.

Amen
(Peter Horst)

На изречение 2012 года: «Сила моя совершается
в немощи» (2 Кор. 12,9)

На исходе

Я не хочу быть
слабым
или больным,
оказаться полностью опустошенным.

Но жизнь не всегда
подыгрывает моим желаниям.
И именно в такие моменты Бог – рядом.

Его владения раскидываются
Внутри моих узких границ.
Ломающимися перьями Он пишет
восхитительные истории.

Zur Jahreslosung 2012: „Meine
Kraft ist in den Schwachen
mächtig“ (2 Kor. 12,9)

Am Ende

Ich will nicht
Schwach sein,
nicht krank,
nicht am Ende.

Doch das Leben
Spielt oft anders.
Und gerade da ist Gott da.

Meine engen Grenzen
Werden Gottes Land.
Er schreibt mit brüchigen Stiften
Unendlich schöne Geschichten.

Молитва в Адвент

Боже жизни и мира,
Тобою мы живем, и движемся, и существуем.
Молим Тебя:
пусть время приготовления к Рождеству
поможет нам сосредоточиться на том, что важнее всего:
дай нам быть внимательными к окружающим нас людям
и к Твоему Слову, с которым Ты обращаешься к нам.
Да будет так сегодня и во все дни нашей жизни.
Аминь

